

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВЪСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера“.

1914 г. № 20-й. 15 Декабря.

Лопари и наше законодательство.

Съ давнихъ поръ замѣчается сильная вражда и недоразумѣнія между прежними обитателями Мурмана—лопарями—и пришлымъ элементомъ—колонистами, на почвѣ захвата рыбныхъ угодій. Вопросъ этотъ давно уже обращалъ на себя вниманіе, но такъ и оставался до сихъ поръ совершенно открытымъ, хотя подобныя неурядицы на Мурманѣ все возрастали и возрастали, а положеніе лопарей становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ.

Причинъ такого явленія нужно искать, съ одной стороны, въ плохой постановкѣ дѣла по колонизаціи Мурмана и въ полной ея неурегулированности, съ другой же стороны, что въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, является самымъ главнымъ и заслуживающимъ серьезнаго вниманія, это—несоотвѣтствіе нашего законодательства условіямъ жизни и быта Сѣвера или, короче говоря, почву для спора изъ-за права владѣнія угодьями дало само законодательство несоотвѣтствіемъ своихъ нормъ мѣстнымъ условіямъ.

Разрѣшеніе этого вопроса, какъ выразился бывший архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, „является важнымъ не только въ интересахъ лопарей и колонистовъ, но и для правильнаго экономическаго развитія края“.

Какъ извѣстно, главнымъ занятіемъ лопарей, обусловливающимъ ихъ экономическое благосостояніе, служитъ рыболовство и прежде всего промыселъ семги. „Рыбная ловля, какъ главное занятіе лопарей, говоритъ Харузинъ, оказываетъ огромное вліяніе на ихъ жизнь. Если до сихъ поръ лопари не стали осѣдлыми и продолжаютъ попрежнему свой полукочевой бытъ, то это объясняется главнымъ образомъ ихъ занятіемъ рыбными промыслами, которые не позволяютъ имъ долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Дѣйствительно, производя главнымъ образомъ рыбную ловлю весной, лѣтомъ и осенью, имъ приходится въ погонѣ за добычей переходить огромныя пространства своей земли для того, чтобы, пробывъ на мѣстѣ 2—3 мѣсяца, снова идти на другое мѣсто, гдѣ въ данное время года рыбный промыселъ можетъ быть выгоднѣе“. Законодательство же наше совершенно обходитъ молчаніемъ эту сторону жизни вообще сѣверянъ, для которыхъ рыбные промыслы являются главнымъ источникомъ существованія. Оно не вы-

дѣляетъ Архангельской губерніи изъ числа другихъ земледѣльческихъ губерній, укладъ жизни жителей которыхъ уже совершенно иной, нежели сѣверянъ, и такимъ образомъ понимаетъ подъ „угодьями“ не рыбныя угодья, а земельныя.

Какъ извѣстно, законъ говоритъ: „Въ губерніяхъ Великороссійскихъ, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ; Архангельской, Астраханской и т. д. сельскія общества бывшихъ государственныхъ крестьянъ сохраняютъ всѣ предоставленныя имъ въ надѣль и состоявшія до 24 ноября 1866 года въ ихъ пользованіи земли и угодья“. Вотъ такое то разногласіе практической жизни Сѣвера и закона какъ нельзя лучше и характеризуется положеніемъ на Мурманѣ лопарей, о которыхъ, какъ земледѣльцахъ, разумѣется, и рѣчи быть никакой не можетъ.

Покойный П. А. Варнаховскій въ „отчетѣ рыбныхъ промысловъ Архангельской губ. въ 1899 г.“ писалъ: „едва ли можно не признать, что въ нашемъ законѣ нѣтъ достаточныхъ указаній о владѣніи крестьянами Архангельской губерніи водами и рыбными ловлями, замѣняющими по существу земельныя угодья другихъ мѣстностей, что если и упоминается о рыбныхъ ловляхъ, то лишь, какъ о статьѣ второстепенной важности (наравнѣ съ каменоломнями); между тѣмъ въ Архангельской губерніи надѣловъ до сихъ поръ не произведено, рыболовство составляетъ главное, а не побочное занятіе и производится за сотни верстъ „отъ настоящаго жительства лопцовъ“.

На такое положеніе вещей на Мурманѣ обратилъ свое вниманіе и комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера и искалъ болѣе устойчивой базы для разрѣшенія этого вопроса, признавши, что:

1) главный источникъ своего существованія лопари получаютъ отъ рыбной ловли,

2) рыболовство по той степени культуры, на которой находится теперь лопари, и при страшной разбросанности рыболовныхъ угодій, вынуждаетъ лопаря вести кочевой образъ жизни, и тѣмъ безусловно мѣшаетъ прививкѣ высшей культуры лопарямъ;

3) уровень благосостоянія лопарей въ общемъ при настоящихъ условіяхъ долженъ понижаться, такъ какъ часть рыбныхъ угодій постепенно переходить въ пользованіе колонистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рыбныя богатства, благодаря хищническимъ ловамъ самихъ лопарей, уменьшаются.

Въ настоящее время положеніе дѣлъ таково, что колонисты не имѣютъ права ловить рыбу въ рѣчкахъ, протекающихъ подъ окнами ихъ домовъ, равно какъ и въ губахъ, на берегахъ которыхъ они поселились, что наблюдается, напримѣръ, по всей Кольской губѣ.

И если опять обратимся къ закону, то найдемъ лишь сплошное противорѣчіе.

Согласно положенію о льготахъ, предоставленныхъ переселенцамъ Мурманскаго берега, „колонистамъ, переселившимся на Мурманскій берегъ, предоставляется право заниматься промыслами пушныхъ звѣрей и птицъ, а также ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся близъ колоній“.

Наконецъ, законъ говоритъ, что „воды морскія даже при мѣстахъ, дѣйствительно, заселенныхъ, частному владѣнію подлежать не могутъ, но должны оставаться въ общемъ и свободномъ для всѣхъ пользованіи, при чемъ никому въ особенности не возбраняется заниматься рыбными

промыслами въ Сѣверномъ океанѣ и въ Бѣломъ морѣ. Вотъ тутъ то именно и наблюдается страшная неразбериха, и совершенно справедливо замѣчаетъ В. К. Солдатовъ, изслѣдовавшій промыслы семги на Мурманѣ, что „споры колонистовъ съ лопарями, возникнувъ съ началомъ колонизаціи, продолжаются до сего времени, а наше законодательство вотъ уже полстолѣтія какъ топчется на одномъ мѣстѣ, задавшись цѣлью втиснуть мѣстную промысловую жизнь въ несоотвѣтствующія ей нормы“...

Испокоинъ вѣковъ лопари являлись единственными обладателями этого района и несли всѣ тяготы и повинности предъ государствомъ, являясь, по выраженію Бухарова, носителями русской государственности въ этомъ отдаленномъ и заброшенномъ краѣ. Вполнѣ понятно, что лопари считаютъ за неотъемлемое право, что государство обязано путемъ закона обезпечить ихъ интересы.

Но что же видимъ на дѣлѣ?

Законодѣль, понимая подъ „угодьями“ не рыбныя ловли, а земельныя и въ то же время представляя полное право заниматься промыслами всѣмъ переселяющимся сюда, привелъ лишь къ тому, что лопари совершенно вытѣсняются и лишаются того, чѣмъ, казалось бы, они вполнѣ законно владѣли до сихъ поръ.

Законъ совершенно упустилъ изъ виду, что интересы пришлаго и мѣстнаго населенія, несомнѣнно, должны столкнуться.—

Поэтому, прибѣгая нерѣдко къ возмутительнымъ насиліямъ одни надъ другими, какъ тѣ, такъ и другіе считаютъ себя юридически правыми, толкая законъ каждый въ свою сторону.

Такая вражда принимаетъ особенно широкіе размѣры главнымъ образомъ изъ-за обладанія семужьими тонями.

По взгляду самихъ лопарей имъ принадлежатъ всѣ водныя и земельныя угодья за исключеніемъ лѣса, составляющаго собственность казны. Всякій же отводъ земли въ исключительное пользованіе колонисту въ глазахъ лопарей—ничто иное, какъ захватъ лопской земли.

По общегосударственному закону правомъ рыболовства пользуется всякій русскій подданный. Слѣдовательно, этотъ законъ даетъ колонистамъ полное право ловить рыбу безъ различія и гдѣ имъ угодно, что, конечно, и не замедлило вызвать столкновенія между колонистами и лопарями, такъ какъ жизнь послѣднихъ тѣсно связана съ промысломъ семги, и они всѣ подати и повинности выплачиваютъ, исключительно благодаря промысламъ семги.

Въ то время, какъ колонисты пользуются всевозможными привилегіями и льготами, лопари несутъ несравненно болѣе тяжелое бремя повинностей и податей и не имѣютъ ровно никакихъ льготъ.

Весьма любопытную и важную такую справку приводитъ В. К. Солдатовъ по даннымъ Кольско-Лопарскаго волостного управленія.

У лопарей приходится податей въ годъ на одну душу:

Экостровское общество	4 руб. 40 коп.
Воронежское „	4 „ 54 „
Кильдинское „	6 „ 5 „
Печенгское „	4 „ 5 „
Чалмозерское „	2 „ 17 „

У колонистовъ приходится въ годъ на одну душу:

Териберское общество	2 „ 74 „
Гавриловское „	2 „ 44 „
Екатерининское „	2 „ 10 „

Притомъ колонисты териберскаго общества несутъ лишь волостной (1 р. 65 к.) и сельскій (1 р. 9 к.) сборъ; гавриловскаго: волостной (1 р. 5 к.), на дорожныя повинности (29 коп.) и квартирныя повинности (50 коп.); екатерининскаго: волостной (1 руб. 65 коп.), сельской (10 к.) и на дорожныя повинности (35 коп.). Слѣдовательно, лопарямъ приходится платить чуть не вдвое больше, чѣмъ колонистамъ. Лопари несутъ и такъ называемыя казенныя повинности, т. е. платить выкупныя платежи, государствен. позем. налогъ и подесятинный сборъ, въ то время какъ колонисты отъ нихъ свободны.

Всѣ остальные занятія, какъ оленеводство, охота на звѣря, птицу и т. д., хотя и составляютъ существенную часть доходовъ лопари, но далеко уступаютъ промыслу семги.

По даннымъ Дергачева (60-е годы XIX в.), изъ полученнаго лопарями дохода въ 35.137 руб. рыболовство дало 22.607 руб., т. е. почти $\frac{2}{3}$ всего дохода (64,30%); второе мѣсто по доходности заняла лѣсная охота на звѣря и птицу, давшая 3125 р. (8,90%); третье—извозъ (т. е. перевозка главнымъ образомъ промышленниковъ, направляющихся на Мурманъ къ весеннимъ промысламъ, которыхъ теперь уже совершенно и не существуетъ)—2.810 руб. (8,0%), и лишь на четвертомъ мѣстѣ стоитъ скотоводство—2.500 р. (7,10%). Изъ 22.607 рублей, полученныхъ отъ рыболовства, 11.614 рублей, т. е. больше 50% далъ ловъ семги.

Правда, эти цифры, заимствованныя у Дергачева, сильно устарѣли, тѣмъ не менѣе промыселъ семги въ жизни лопаря и теперь играетъ первенствующую роль.

Что же въ такомъ случаѣ остается лопарямъ, если и промыслы семги вконецъ будутъ у нихъ отторгнуты?

Вѣдь, законъ, закрѣпляя за ними земли и угодья, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ о рыбномъ занятіи, хотя одновременно и предоставляетъ право заниматься ловлей рыбы всюду и всякому желающему и, понятно, нисколько не исключаетъ возможности окончательной потери правъ лопарей на семужьи тони.

Совершенно справедливо замѣчаетъ В. К. Солдатовъ: „однѣ лишь рыбныя ловли имѣютъ для лопаря цѣну, а земельныя же „угодья“—ровно никакой цѣны ни прежде, ни теперь. Вѣдь, лопарь, за полярнымъ кругомъ обрабатывающій землю—явленіе довольно фантастическое!“

Притѣсненія лопарей и завладѣнія ихъ „угодьями“ имѣютъ еще свое начало за громадный періодъ времени до колонизаціи Мурмана.

Подобныя шаги принадлежатъ извѣстному Трифону-Печенгскому монастырю, который въ жизни лопарей сыгралъ, по словамъ Харузина, развращающую роль, являлся на протяжении цѣлыхъ вѣковъ ихъ порабителемъ и эксплуататоромъ, не брезгуя рѣшительно никакими средствами, чтобъ вконецъ обездолить безобидныхъ лопарей.

„Если задать себѣ вопросъ,—говоритъ Харузинъ, принесъ ли Печенгскій монастырь пользу лопарямъ, то придется отвѣтить на это, къ сожалѣнію, отрицательно. Онъ содѣйствовалъ ихъ обѣднѣнію, своимъ обращеніемъ ожесточалъ ихъ, примѣромъ жизни братіи дѣйствовалъ развращающимъ образомъ, онъ оставилъ косить ихъ въ невѣжествѣ.“

Монастырь всѣми правдами и неправдами добивался всевозможныхъ правъ на лопарскія угодья. Въ грамотѣ 1697 года указывается на недобросовѣтность, съ которой была составлена въ писцовой книгѣ Алая Михалкова опись владѣній Печенгскаго монастыря. Грамота указываетъ, что лопари въ своемъ челобитѣи написали: „какъ приходили

подъ Кольскій острогъ свейскіе гѣмцы войною и лучшихъ многихъ людей побили и въ полонъ побрали; четвертью рѣки Туломы и анбарцами завладѣли Печенгскаго монастыря старцы, потому что дѣти тѣхъ побитыхъ лопарей остались малы и угодыми своими владѣть не могли“.

Даже Московское правительство неоднократно указывало на захваты монастыремъ лопарскихъ угодій и дѣлало цѣлый рядъ воспрещеній: „и впредь лопарямъ участковъ своихъ и рыбныхъ ловель и сѣбныхъ покосовъ и въ Печенгскій монастырь поступати и отдавать отнюдь не велѣно“...

О правахъ же лопарей на семужьи тони неоднократно упоминается въ грамотахъ. Такъ въ грамотѣ 1697 года упоминается, какъ Печенгскій монастырь захватывалъ ихъ себѣ: „въ Туломѣ подъ падуномъ и подъ камнемъ во всѣхъ ловляхъ красные рыбы, а въ озерахъ и рѣкахъ бѣлые рыбы ловли“.

Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи находятся эти права лопарей на семужьи тони и по настоящее время. Какъ извѣстно, споры и недоразумѣнія между лопарями и колонистами привели къ тому, что въ 1897 году архангельское по губернскимъ дѣламъ присутствіе пришло къ весьма курьезному выводу, что „до начала колонизаціи Мурманскій берегъ былъ необитаемъ, такъ какъ тамъ не существовало до этого времени осѣдлыхъ поселеній, и только на дѣтнее время сюда съѣзжались промышленники-поморы и на это же время являлись изъ своихъ тундръ лопари для ловли семги. Такъ какъ осѣдлыхъ жителей тогда не было, то лопари безпрерывственно занимались ловомъ рыбы и мало-по-малу привыкли считать эти рѣки и озера своею собственностью. Но на самомъ дѣлѣ никакой законъ не закрѣпилъ за ними права собственности на эти рѣки“.

Если такое постановленіе присутствія могло вызвать улыбку, от лопарямъ, во всякомъ случаѣ, оставалось обжаловать его въ сенатѣ.

Они подробно взвѣсили все свои права на то, что считаютъ у нихъ „незаконнымъ“, выяснили свое положеніе и грядущее будущее и чрезъ повѣренныхъ своихъ отъ всѣхъ лопарскихъ обществъ въ поданномъ въ сенатъ прошеніи указали, что съ незапамятныхъ временъ и до настоящаго времени рыболовныя мѣста для промысла семги, расположенныя въ рѣкахъ и заливахъ, находились въ исключительномъ пользованіи лопарей; не незаконно владѣютъ лопари семужьими угодыми, а по вполнѣ определенному закону, закону о государственныхъ крестьянахъ.

На указаніе же присутствія, что до колонизаціи Мурманскій берегъ былъ необитаемъ, что лопари лишь на дѣто являлись для лова семги, и поему семужьи тони за ними закрѣплены быть не могутъ, лопари основательно отвѣчаютъ, что, „вѣдь, и на озерахъ и въ погостахъ они живутъ лишь временно, поэтому съ точки зрѣнія присутствія выходитъ, что и эти мѣста необитаемы, и что мы, лопари, нигдѣ и ничѣмъ не имѣемъ права пользоваться, ни владѣть, и что отовсюду насъ могутъ выжить, все отнять“.

Относительно закона о свободѣ промысла въ морскихъ водахъ лопарскіе повѣренные указали на то, что и само правительство признаетъ, что „морскіе заливы подлежатъ частному владѣнію: уступая Норвегій свою территорію, правительство включило въ условіе, чтобы семужьи тони въ губѣ Пазѣ и Ровдиной оставались въ неприкосновенномъ поль-

зованіи и владѣніи извѣстныхъ донарей, потому что, въ противномъ случаѣ, имъ невозможно было бы достать средствъ для уплаты повинностей и на свое пропитаніе".

При поселеніи же колонистовъ въ нѣкоторыхъ заливахъ было поставлено условіемъ, что они не будутъ имѣть права ловить семугу въ рѣкахъ и на тонахъ, принадлежащихъ донарямъ, которые, какъ замѣчено было выше, никакими льготами не пользуются.

На предложенія донарямъ заискиваться въ колонисты и пользоваться всѣми ихъ льготами и преимуществами донари откликнулись, что они теперь хотя и не прежніе дикари, незнакомые съ употребленіемъ хлѣба и соли и живущіе въ вырытыхъ въ землѣ жилищахъ, что хотя въ ихъ погостахъ строятъ уже настоящія русскія избы, православныя храмы и школы, но все же они еще попрежнему кочевники: олені ихъ тянутъ въ тундру, а промыселъ рыбы къ морю и озерамъ, но что, быть можетъ, уже близко то время, когда донари начнутъ сличаться съ русскими, особенно подъ вліяніемъ общей воинской повинности, воинскій порядокъ и хорошихъ примѣровъ, съ развитіемъ школьнаго дѣла.

Все это произойдетъ лишь, когда донарей не будутъ обижать и разорять и поступать съ ними будутъ справедливо. „Въ противномъ случаѣ, намъ еще болѣе придется раздѣлываться, уйти въ тундры и тамъ дожидать своей вѣки, пока все наше племя не замретъ“.

Донари просили, въ концѣ концовъ, правительство впредь до поземельнаго устройства крестьянъ оставить въ ихъ неприкосновенномъ пользованіи на прежнемъ основаніи, какъ они пользовались до сего года, безъ участія колонистовъ, въ семужьи тони.

На это прошеніе донарей, поданное въ сенатъ въ 1899 году, спустя лишь 5 лѣтъ пришелъ отвѣтъ, который равно нисколько не разрѣшилъ вопроса и своею неопредѣленностью, вѣрнѣе, содѣйствовало еще большому обостренію отношеній между донарями и колонистами. Сенатъ подтверждалъ лишь постановленіе присутствія, оставляя вопросъ о правѣ донарскихъ сельскихъ обществъ и мурманскихъ колонистовъ на пользование рыбаками промыслами на Мурманѣ „открытымъ впредь до поземельнаго устройства крестьянъ Архангельской губерніи“ и умалчивая объ извѣстномъ законѣ о государственныхъ крестьянахъ, который, разумѣется, и остается въ силѣ, такъ какъ донари, какъ бывшіе государственные крестьяне, не изъяты изъ сферы его дѣйствій.

Правда, благодаря такому рѣшенію сената, колонисты сразу же широко воспользовались предоставляемымъ имъ правомъ свободнаго промысла, совершенно игнорируя интересы донарей, всякій порядокъ и традиціи лова семги.

Это, наконецъ, повлекло къ необходимости „мирнаго“ столкowanія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Рѣшили произвести добровольный раздѣлъ тоней, и съ этою цѣлью въ декабрѣ 1904 года состоялся съездъ колонистовъ екатерининскаго общества и донарей кильдинскаго общества. Конечно, ожидать отъ этого „добровольнаго“ раздѣла болѣе или менѣе хорошихъ результатовъ не приходилось. Такая мѣра далеко была не въ состояніи навсегда уладить споры и недоразумѣнія между донарями и колонистами. Справедливо кто-то замѣтилъ, что рѣшеніе этого вопроса и улаживаніе распрей какъ бы всецѣло зависѣло отъ тамошней администраціи. Подобныя же споры, какъ тянулись раньше, такъ продолжаютъ и до настоящихъ дней и, безъ сомнѣнія, будутъ продолжаться до того времени, пока вопросъ о колонизаціи Мурмана будетъ окончатель-

но не урегулированъ, а положеніе лопарей будетъ разсмотрѣно самымъ тщательнымъ образомъ. Вѣдь, какъ никакъ, а благодаря положенію вещей и создавшимся на Мурманѣ обстоятельствамъ, лопарей долженъ постигнуть въ недалекомъ будущемъ печальный конецъ, т. е. они слишкомъ слабы, чтобы выдерживать натиски приходящаго сюда элемента. Слѣдовательно, необходимо путемъ всевозможныхъ мѣръ и установленій гарантировать этому племени условія жизни, которыя содѣйствовали бы его процвѣтанію.

А. Жилинскій.

Варакгерское море и его исторія.

(Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера).

(Окончаніе. См. № 19 „Извѣстій“ за т. г.).

Возраженіе воеводы Олонецкаго.

„И то Господине застава въ Панозерскомъ погостѣ учинена и Головы и цѣловальники по указу Великаго Государя, а не своимъ вымысломъ, потому что в прошлом в 189 году, июль в 27 день при его блаженныя памяти Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Оедора Иоанновича грамотѣ изъ приказу Большой казны за прошенью дьяка Никиты Нагубина, на Олонцѣ велѣно съ лопарскихъ въ семи погостахъ лопарей съ товары и съ проѣзжающихъ со всякихъ чиновъ, торговыхъ людей и съ иностранцевъ, которые въ тѣхъ погостахъ за проданный товаръ будутъ собирать таможенную пошлину, вѣрнѣе Новѣнецкіе голова и цѣловальники противъ новаго торговаго устава. Да и въ прошломъ же 190 году июля 15 прислана Государская грамота изъ Приказу Большой казны на Олоонецъ, велѣно съ Лопскихъ погостовъ таможенныя пошлины собирать Головамъ и цѣловальникамъ; а буде имъ въ тѣхъ лопскихъ погостахъ доведется сверхъ прежнихъ для сбора таможенныхъ пошлинъ поставить заставы и велѣно послать Головъ и цѣловальниковъ въ тѣхъ мѣстахъ поставить и берегъ накрѣпко, чтобы торговля люди не плати пошлинъ никуда не проѣзжали.

Да и бы того, Господине, въ Панозерскомъ и въ иныхъ погостахъ на заставахъ цѣловальникамъ и другимъ чинамъ велѣно стоять, что въ прошломъ въ 193 году прислалъ Великій Государь грамоту изъ приказа Большой казны и по той Великій Государь грамотѣ изъ приказа Большой казны къ намъ на Олоонецъ, купецкихъ людей которые ѣдутъ съ свинными и говяжьими мясами и съ рыбой и со всякими съѣстными запасами за свейскій рубежъ пропускать ихъ не велѣно и о томъ велѣно таможенному головѣ и цѣловальникамъ приказатъ, накрѣпко, чтобы отнюдь запасовъ тѣхъ въ свейскій рубежъ не пропускать и буде они чрезъ тотъ Великихъ Государевъ указъ, что пропустятъ изъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, и Великимъ Государямъ про то учинить и вѣдомо и имъ за то быть въ опалѣ и въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія; а потому вышенисанному Великихъ Государей указу на тѣ заставы нынѣшняго 194 года цѣловальники изъ Новѣнецкой таможи и съ Олонца и на ослушниковъ, служилые люди посланы и тебѣ бы, Господине, о томъ и весь Соловецкій Монастырь вотчины крестьянамъ, торговымъ людямъ и всякихъ чиновъ жителямъ велѣтъ чинить

по указу Великихъ Государей безъ всякаго послушанія, чтобы для того таможенныхъ пошлины постунали и недобору не было. Акты историческіе т. V стр. 222.

Песмотря на все это, Соловецкій монастырь выигралъ дѣло. Его стараніе кетати подкрѣвило челобитіе Олонецкихъ купецкихъ людей, которые объявили, что съ пресѣченіемъ сбыта сельскихъ продуктовъ въ Лопскихъ погостахъ или за рубежемъ, Олонецкіе крестьяне не будутъ въ состояніи платить податей для торжаниковъ, выйдетъ безпромыслица, а для казны недоборъ таможенныхъ сборовъ. Акты историческіе т. V стр. 239.

Велѣдствіе сего повелѣно и пропускать съѣзные товары по прежнему, какъ ѣздили до сего, съ очисткою однако же таможенныхъ. Дѣтъ, нѣсколько спустя, именно въ 196 году Панозерскаго застава была уничтожена и съ нею вмѣстѣ и въ другихъ мѣстахъ Поморья, въ Пустозерскѣ, Мезени, Кевролѣ, Варзугѣ, Умбѣ, исключая Колу.

Показавъ, такимъ образомъ, куда дѣвались Лукоморскіе лопари, мы не можемъ съ равною достовѣрностію разгадать судьбу ихъ покровителей Новгородскихъ Мурманъ. Старшіе изъ среды ихъ братья по всей вѣроятности поселились въ Лопскихъ погостахъ и владѣли въ нихъ вотчинами *) на правѣ помѣстномъ, а остальные жили у моря. Сии послѣдніе, пробавляясь промыслами и торговлею, не забывали морскихъ наѣздовъ и на этомъ поприщѣ оставили исторической слѣдъ.

Въ XI столѣтіи заглохло въ Европѣ имя Нормановъ, т. е. Новгородскихъ Мурмановъ, а до XV вѣка сохранилась объ нихъ отчетливая память. Подъ годомъ 1419 лѣтописецъ повѣствуетъ именно: что Мурмане мечемъ и огнемъ опустошили богатый и людной погостъ Непоксеу и другія прибрежья Бѣломорскаго населенія. Надо полагать, что эти Мурманы тревожили и Норвежцевъ, которые не безъ причинъ на самой оконечности Варангерскаго залива воздвигли, донынѣ существующую крѣпость *Вардсугеъ*, между тѣмъ, какъ съ Двинянами Новгородцы жили постоянно въ братскомъ союзѣ. Причина ясная: Сѣверная Норвегія не можетъ и донынѣ проживать безъ русскаго хлѣба, а въ старину она покупала и соль бѣломорскую для своего рыбосоленія, слѣдовательно, въ двухъ главнѣйшихъ потребностяхъ вся зависѣла отъ Россіи.

Какъ бы то ни было, Великому Новгороду въ званіи члена Ганзейскаго союза не могъ потворствовать морскимъ разбоямъ; а кровавые ссоры съ Двинянами и Норвежцами переносили мѣру терпѣнія. Мурманы въ свою очередь должны были прекратить погромы и селитьба ихъ скрыта до основанія. Впрочемъ, это нельзя назвать фактомъ, а скорѣе догадка или предположеніе.

Въ половинѣ XVI столѣтія на берегу Варангерскаго залива возникло новое русское селеніе. Тутъ долго раздавался монастырскій звонъ, и болѣе 200 лѣтъ кипѣла промышленная жизнь на берегу и на морѣ. Творцомъ этой послѣдней колоніи былъ преподобный Трифонъ, подвизавшійся въ проповѣди лопарямъ Христовой вѣры, онъ соорудилъ при устьѣ рѣки Печеньги въ губѣ того же имени извѣстный въ лѣтописяхъ монастырь, получившій по свойству мѣстности трехсторонній характеръ: промышленный, торговый и морской.

*) Кромѣ Марыи Барецкой, въ Бѣломорской Кореліи находились многіе Новгородцы помѣщики. О существованіи ихъ неоднократно упоминаетъ ближайшій къ Лопскимъ погостамъ лѣтописецъ Соловецкій.

Въ 1556 году Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ Печенгскому монастырю грамоту на разные угоды и снабдилъ его книгами, колоколами и церковною утварью. Благодарствительствовалъ и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ; но шведы злобно смотрѣли на этотъ опытъ колонизаціи русскаго осѣдлага народа Варангерскаго Поморья. Они трижды разорили колонию и въ четвертый разъ въ 1591 году въ самый праздникъ Рождества Христова сожгли монастырь и побили сто шестнадцать монаховъ и слугъ, остальные спаслись бѣгствомъ.

На сей разъ дерзкіе грабители не остались безъ отмщенія. Въ 1593 году ратные воеводы князь Андрей Романовичъ и князь Григорій Волхонскіе съ войскомъ изъ Холмогоръ города въ Каяну и причинивъ тамъ опустошеніе, возвратились съ великой добычей *).

Въ 1596 году Царь Ѳеодоръ Ивановичъ велѣлъ перенести Печенгскую обитель въ Колъскій острогъ, гдѣ она, въ силу Царской грамоты, сохранила прежнее свое наименованіе Живоначальной Троицы Печенгскаго монастыря и всѣ свои владѣнія, въ ряду которыхъ первое мѣсто занимала Печенгская колонія, но въ 1619 году выстроенный въ Колѣ монастырь сгорѣлъ, послѣ пожара не возобновлялся, а старцы на братскомъ соборѣ рѣшили жить въ общемъ монастырѣ въ Печеньгѣ.

Въ 1675 г. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ особой жалованной грамотѣ Печенгскому монастырю, подтвердилъ всѣ вотчинныя и торговыя права, дарованныя отцомъ и прежними монархами, съ подробнымъ показаніемъ, исчерпнутыхъ изъ писцовыхъ книгъ купчихъ крѣпостей, дарственныхъ и жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ мѣстахъ и урочищахъ ихъ рыбныя ловли, лѣса и дворы, и дворовыя мѣста, и соляныя варницы, и мельницы, и амбары, и всякіе монастырскіе заводы, угоды и сѣнные покосы.

Наконецъ, въ 1764 году Печенгскій монастырь былъ упраздненъ, его земли, воды и лѣса сдѣлались бесполезнымъ для Россіи Государственнымъ имуществомъ, а заводы и строения сокрушили время; но Святѣя непоколебима! Вблизи устья Печенги на руинахъ старой обители, разоренной шведами, стоитъ часовня (а впоследствии воздвигнута церковь), а въ 15 верстахъ вверхъ по Печеньгѣ сохранилась церковь Срѣтенія Господня, гдѣ почіють мощи преподобнаго Трифона, да другая пустынная же церковь Бориса и Глѣба, поставленная тѣмъ же угодникомъ, при устьѣ рѣки Парѣнки. Обѣ эти церкви привлекаютъ набожныхъ поклонниковъ, именно: въ первыхъ числахъ февраля и 20 іюля, т. е. въ праздники Срѣтенія Господня и преподобнаго Трифона и Бориса и Глѣба. Въ тѣ поры отворяютъ двери уединенныхъ храмовъ, и въ нихъ совершается служба Божія священникомъ, пріѣзжающимъ изъ города Колы **).

Велѣдъ за нашими богомольцами Норвежцы для торговли ежегодно пріѣзжаютъ изъ-за рубежа съ своими товарами, на ряду которыхъ главную роль играютъ: колониальный, ромъ и превосходный англійскій ликеръ. Но это одна лишь тѣнь той старинной ярмарки, кака я тутъ процвѣтала во время существованія Печенгской обители, особенно въ XVI вѣкѣ. Тутъ былъ свой порто-франко, въ которомъ продавались

*) Исторія Росейской Іерархіи.

***) Въ настоящее время, по распоряженію мѣтнаго Епархіального начальства, въ одну изъ сихъ церквей назначенъ постоянный священникъ и построена усадьба. Такимъ образомъ русское духовенство вторично кладетъ краеугольный камень колонизаціи русскимъ элементомъ Варангерскаго Поморья.

не одни наличные товары съ монастырскихъ амбаровъ и съ борта кораблей, но и въ сроки; а главнѣйшіе товары имѣли постоянную цѣну, Мурманскую и заграничную. Въ подтвержденіе ссылаемся на историческіе факты, заимствованные изъ торговой книги 1575 г.*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ наказа русскаго купца на Мурманскій берегъ:

1) 1575 годъ. „На Мурманскомъ берегу смола бочка продана на 4 ефимка, въ свою цѣну встанеть 1 р. 10 коп. и 4 деньги, въ Голландской землѣ купленъ по 3 ефимка, и ты имайся на 500“.

2) „На Мурманскомъ берегу вару бочка вѣсомъ въ 7 пуд. кунить за полтретья руб. „а въ грабонахъ бочка по 9 ефимковъ и ты стоваривай на 100 бочекъ 1575“.

3) „На Мурманскомъ берегу сѣры еловыя чистыя, показать образцы, цѣною говори за бочку по 19 ефимковъ и ты имайся на 10 бочекъ“.

Кромѣ церковныхъ памятниковъ, Печенгскій Монастырь оставилъ по себѣ слѣды поучительныя для потомства на поприщѣ экономическихъ своихъ трудовъ. Въ устьяхъ Печенги и Назрѣки спускались на воду большія, нормандскія лодыи и мелкія промысловыя суда. Кромѣ шлюпокъ, бобылей, слугъ и дѣтенышей, Монастырь содержалъ: солдоваровъ, мельниковъ, разныхъ мастеровъ, морскихъ и горныхъ звѣрелововъ и на перевозныхъ лодьяхъ кормщиковъ, носовиковъ, осночей и всемо этому міру независимо отъ духовной пищи, сообщали равностный трудъ и нещественное довольство.**). На оборотѣ медали: всѣ монастырскіе и житейскіе потребности доставляла щедрая пустыня посредствомъ промысловъ мореходства и торговли.

Монастырскія лодыи выходили изъ Варангерскихъ гаваней нагруженными не одними произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на Печенгскомъ торжкѣ, въ датскихъ заливяхъ, а можетъ быть и датке. Сверхъ того, монастырская экономія, за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ потребностей и мѣстной распродажи отпускала во внутрь Россіи до 40.000 пуд. соли бесплатно, по особой привилегіи. Въ Холмогорахъ и Архангельскѣ происходила перегрузка товаровъ съ

*). Торговля 1785 г. падаю Арханг. Обществомъ въ 1831 г.

**.) Для полноты предмета списываемъ нѣсколько строкъ изъ грамоты Царя Алексея Михайловича, дающихъ понятіе о дѣяніи монастырскихъ промысловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и о благодѣтельныхъ льготяхъ, которыми пользовался Печенгскій монастырь братія. „Несъ тѣхъ поръ со всѣхъ рыбныхъ промысловъ и съ дворовъ и съ варницъ и со всякихъ промысловъ, которые въ жалованной грамотѣ назначены, и съ людей, которые приходили въ монастыри и къ варницамъ по соль и привозить въ Усолье и въ монастырь всякіе хлѣбные запасы и съ долейныхъ головныхъ поголовной явки, и съ зѣриныхъ долей и луковыхъ пощеницъ съ монастыря, и съ всякихъ крестьянъ, и съ крестьянъ лопарей, и съ козачковъ, которые живутъ въ монастырѣ, и у варницъ, и у мельницъ, и на рыбныхъ промыслахъ по рѣкамъ, на варницахъ и по тонамъ, и на всякихъ монастырскихъ рыбныхъ и зѣриныхъ промыслахъ, и съ удейныхъ судовъ на морѣ и покручничковъ отпуску, данн и оброковъ имать на нихъ по вѣдѣно ни едѣ и ни чего. И таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ и всякимъ пощеницамъ людямъ тамги, пошани и явки и холбайкаго и съ осночей поголовнаго, и съ монастырскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и съ иныхъ со всякихъ запасовъ которые они привозятъ въ монастыри къ варницамъ на лодьяхъ, и съ соли и съ рыбы, и съ сала, и со всякихъ нѣмецкихъ и лопскихъ товаровъ; съ покупокъ и продажи, и прѣважихъ и отѣважихъ и всякихъ пощеницъ съ нихъ не имати ничего; съ того что продаютъ съ своихъ промысловъ какихъ товаровъ для монастырскаго обихода, и что затѣмъ купятъ на монастырскій обиходъ и съ рыбныхъ зѣриныхъ и со всѣхъ ихъ промысловъ, съ бѣлой и красной рыбы, съ трески и палтоса десятины, и съ сала тресковаго и китоваго, десятины имать съ нихъ не вѣдѣно. Акты историческіе. Т. IV стр. 350.

морскихъ судовъ на рѣчныя, а сбытъ во всѣхъ попутныхъ городахъ и торжкахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы зимнимъ путемъ доставлялись прямо въ Москву. При столь обширной операци, монастырь въ главныхъ пунктахъ имѣлъ свои подворья для склада привозимыхъ и закупки мѣстныхъ товаровъ; закупка и обратный привозъ составляли слѣдующіе предметы: „хлѣбные запасы про монастырскій обиходъ и солянымъ варницамъ, рожь и ячмень и овесъ и солодъ и крупа и толокно, и сѣмя конопляное и масло, и мясо, пшеница и горохъ, и медъ на кутью и воскъ на свѣчи, и на платьѣ холсты, точила и сукна всякія, и обувь и на обувь всякія кожи дубленныя и юфть бѣлая и красная, и конопля и прядево всякое на неводы и сѣти, на судовую снасть на тросы и канаты и смолу, чѣмъ суда смолятъ и всякіе заморскіе запасы велѣно купить безбошлинно (Акты историч. Т. V стр. 551).

Потребленіе такихъ вещей показываетъ довольство, въ которомъ жили печенгскіе поселенцы, а съ другой стороны обнаруживаетъ возможность развитія на Варангерскомъ берегу значительнаго рынка для сбыта сельскихъ произведеній сѣверо-восточныхъ губерній, рынка съ двухъ сторонъ полезнаго и въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Усиливая внутреннее потребленіе сырыхъ продуктовъ, здѣшній рынокъ въ то же время ослабилъ бы слѣдную зависимость русской торговли отъ лондонской регулированной компаніи, дирижирующей со времени Ченслера Архангельскимъ портовымъ торгомъ посредствомъ своихъ смысленныхъ факторовъ.

Морская торговля Печенгскаго монастыря, совершаемая уже въ ясныя историческія времена, на опытѣ доказала, что сѣверная мѣстность Варангерскихъ гаваней не замкнута природою для мореплаванія. Для вѣщаго разубѣжденія взглянемъ и на живые примѣры: предъ нашими глазами Сѣверная Норвегія и Улеборгъ. Не взирая на сѣверную мѣстность, онъ первый въ цѣлой Финляндіи на поприщѣ кораблестроенія, морской техники и мореплаванія, а изъ Варангерскаго поморья и лонскихъ погостовъ въ Каану и Улеборгъ рукою подать.

Вспомнимъ еще, что европейское мореходство получило начальное развитіе не на югѣ, а среди отважныхъ и закаленныхъ въ морѣ сыновъ глубокаго сѣвера. Въ началѣ среднихъ вѣковъ норманы высылали почти все свое народонаселеніе въ море. Въ IX вѣкѣ толпы нашихъ норвежскихъ соседей заняли Исландію и въ этой ледяной пустынѣ образовали правильную и даже просвѣщенную, по тогдашнему времени, морскую державу. Почему же бы и русскимъ сѣвернымъ людямъ не образовать простой приморской колоніи на мѣстѣ, которое въ старину почиталось мѣстомъ благоугоднымъ для составленія честной обители, гдѣ почиютъ мощи святочимаго основателя, готоваго своими молитвами къ Царю Небесному споспѣшествовать дѣлу, имъ самимъ начатому.

Въ заключеніе историческихъ замѣтокъ о Варангерскомъ поморьѣ, съ той же точки зрѣнія, бросимъ бѣглый взглядъ и на Россійскую границу въ той мѣстности.

Отъ сѣверо-западнаго конца Архангельской губерніи, т. е. отъ бухты Ворямы, Норвежская граница продолжается до озера Верхней Имандры, по-норвежски Енаракъ; считая всѣ изгибы, протяженіе составитъ 600 верстъ, а въ прямой линіи отъ востока къ западу 230. Это новая пограничная черта. Старая же имѣла оставленное Великимъ Новгородомъ направленіе. Словомъ, въ древніе годы весь Варангерскій за-

ливъ принадлежалъ Россіи: Западную ея часть Норвежцы присвоили (съ Гандвикомъ) себѣ въ Смутное время, когда Новгородъ съ пригородами былъ за Свейскимъ королемъ до Столбовскаго мира. Съ тѣхъ поръ граница, вплоть до 1826 года, выходила къ Варангерскому заливу у Вересъ наволока. Но въ 1826 году экспедиція для опредѣленія рубежа между Норвегіей и Россіей слѣпо рѣшила отнести границу Государства до бухты Воръемы, верстъ за 70 къ востоку въ прямой линіи, не принимая въ расчетъ изгибовъ берега и сухопутной территоріи. Для того уступлены Швеціи судоходные заливы: Нявдемскій, Пазрѣцкій, Ровденскій и на прибрежьи большое количество рыбныхъ, звѣриныхъ и лѣсныхъ угодій.

Такимъ образомъ, Россія лишилась чудной Пазрѣцкой гавани, имѣющей у Пазрѣрки сообщеніе съ отдаленными лѣсами, и въ добавокъ ста душъ православныхъ лопарей, очутившихся за границею, лучшихъ тресковыхъ становницъ и бобровыхъ готовъ, тогда какъ эта территорія, морская и горная, по писцовымъ книгамъ, кунчимъ крѣпостямъ, дарственнымъ записямъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ въ теченіе двухсотъ лѣтъ составляла собственность Печенгскаго монастыря. Независимо отъ истории, изъ множества на это юридическихъ доказательствъ представляется еще одно свидѣтельство писцовой книги на монастырское владѣніе рѣкою Нявдемою, удаленной отъ нынѣшней границы верстъ на 60 къ западу.

„Въ рѣкѣ Нявдемѣ рыбная ловля, съ тонями и горовными мѣсты и съ бобровыми и звѣриными ловлями и съ лѣшими (лѣсными) озерами; да два амбара съ погребомъ, да ксея (тресковое становнице) да тоня Давыдовская съ горовными мѣсты, а межа отъ Песку до Товскаго наволоку“ *).

Вотъ и другой Актъ на владѣніе рѣкой Пазрѣкою и Пазрѣцкимъ устьемъ.

„До Печенгскаго же монастыря рѣка Пазрѣка, три лука и угодья къ тѣмъ лукамъ, тоже подъ Пахтою, тоня подъ другою Пахтою Оеофиловская, а межа *Пазрѣцкое устье*, да тоня Крестова отъ моря до половины рѣки Ровденги и съ тонями, да тоня Ручьевая, тоня подъ наволокомъ, а межа къ морю до Нѣмецкаго наволока съ горовными мѣсты; да по Пазрѣкѣ жъ на устьѣ храмъ страстотеритцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба, поставленные строителя ихъ старца Трифона“.

Еще въ 1623 году Царь Михаилъ Оедоровичъ на претензіи датскихъ подданныхъ норвежцевъ далъ слѣдующую резолюцію: **)

„А нѣчто нѣмецкіе датскіе люди учнутъ, къ намъ впрередъ прѣвзжая какихъ оброковъ и дани и съ рыбы десятины у нихъ просить, а если (игумену съ братією) нѣмецкимъ людямъ оказывать, что та рѣка Лонская искони вѣчная вотчина наша Великаго Государя, а не Датскаго Короля и по 1610 годъ въ тое землю Датскаго короля люди ни въ чемъ не вступались, и даней, и оброковъ, и рыбныхъ десятинь не спрашивали, а послѣ того въ тое землю учальвступать мимо прежній обычай.***)

Развяжемъ историческій узелъ казуснаго дѣла. Въ началѣ XVII столѣтія, когда шведы властвовали въ Новгородѣ и смутною волновалась

*) Акты историческіе. Т. IV стр. 550.

***) Эти резолюціи слушалъ и слово въ слово подтвердилъ въ 1675 году Царь Алексѣй Михайловичъ.

***) Акты историческіе. Т. I стр. 548.

Россия, Каянскіе сосѣди возобновили набѣги на Кольское поморье и заняли Печенгскую колонію. Беззащитные старцы, будучи въ рукахъ у свейскихъ ратниковъ, творили ихъ волю, продовольствовали незваныхъ гостей и платили дань. Истощивъ средства честной обители, свейскіе пѣмцы отпавились во свояси, но передъ очищеніемъ монастырскаго владѣнія они по сдѣлкѣ съ норвежцами уступили имъ завоеванный Варангерскій заливъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ передали свое волчье право на взиманіе дани съ русскихъ поселенцевъ. Независимо отъ дани, норвежцы имѣли въ виду давно желанную цѣль. Безлѣсный ихъ Финмаркенъ всегда съ завистью смотрѣлъ на русскую лѣсистую территорію, а тутъ представился благо случай рубить русскій лѣсъ, пожалуй, русскимъ же топоромъ, рассчитывая работу въ счетъ дани.

Въ 1617 году по заключеніи Столбовскаго со Шведами мира, Новгородъ съ пригородами и уѣздами возвращенъ подъ Россійскую Державу. Несмотря, однако, на то, Норвежане овладѣли Гандвикомъ до Вересъ-наволока, т. е. до предѣла монастырскаго владѣнія, и долго не оставляли своего притязанія на Печенгскую дань. Съ упраздненіемъ Печенгскаго монастыря расширились и виды ихъ на оставленную впускъ богатую монастырскую землю. Выждавъ благоприятный моментъ, когда въ Россіи началось опять движеніе, когда новый Императоръ Николай 1-й только что вступилъ на престолъ, Норвежцы, подкупивъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ Несельроде, согласившагося, отбросивъ всякія историческія права на землю, размежеваться по проекту Норвежцевъ, достигли своей цѣли, убѣдивъ членовъ экспедиціи на постановку новой границы.

Новая граница начинается у озера Верхней Имадры, которое соединяетъ три пограничныя черты: Норвежскую, Русскую и Финляндскую. Отсюда нашъ рубежъ идетъ по ручью Паесъ, до впаденія въ рѣку того же имени; далѣе по этой рѣкѣ тянется на сѣверъ, но, не доходя моря, поворачиваетъ отъ рѣки направо, вдоль берега и, поровнявшись съ губою Вересъ, старой границей, удаляется прямо на югъ. Тутъ на протяженіи 10 верстъ она пересѣкаетъ рѣку Нявдему, Четельгу и, коснувшись рѣки Пазъ рѣки, впаденія въ нее ручья Репона, идетъ по лѣвому берегу; въ этомъ направленіи, наткнувшись на препятствіе—русскую церковь Бориса и Глѣба, обходитъ ее кругомъ колѣномъ и, отрѣзавъ на самомъ взморьѣ Пазрѣцкое устье, а за симъ устье рѣки Ровдени, удаляется вторично отъ морского берега верстъ на пятьдесятъ къ юго-востоку, до озера Самозеро; наконецъ, прорѣзавъ Гаморро, поворачиваетъ къ морю по ничтожной рѣкѣ Ворьемъ, впадающей въ столь же ничтожную бухту Ворьему. Такимъ образомъ, одна лишь юго-восточная часть Варангерскаго залива принадлежитъ къ Россіи. Къ счастью, межевщики 1826 года оставили судоходную рѣку Печенгу, единственный теперь путь къ заморскому сбыту произведеній Варангерскаго поморья, въ случаѣ колонизаціи лѣсовъ Варангерской пустыни и дальнѣйшаго развитія промысловъ въ Кольскомъ уѣздѣ.

Обдорскія пѣсни *).

(Съ нотами).

Огромное, необъятное количество народныхъ пѣсенъ распределено по лицу русской земли далеко неравномерно и по качеству, и по количеству: есть цѣлые районы, гдѣ не поютъ почти никакихъ пѣсенъ, кромѣ частушекъ. Есть мѣстности, гдѣ старинныя пѣсни давно вытѣснены пѣснями новѣйшей формаціи. Но зато есть и такія мѣста, которыя являются какъ бы гнѣздами массы любопытнѣйшихъ остатковъ стариннаго пѣсеннаго творчества, гдѣ собиратель находитъ цѣлыя розсыпи и залежи пѣсенъ.

Однимъ изъ такихъ гнѣздъ можетъ считаться и Обдорскъ. И притомъ обдорскія пѣсни имѣютъ пѣкоторыя характерныя черты, отличающія ихъ отъ пѣсенъ другихъ районовъ. Дѣлаю необходимую оговорку: я имѣю въ виду не текстъ пѣсенъ, не ихъ содержаніе (не представляющее вообще особеннаго интереса), а исключительно *напѣвы*, которымъ главнымъ образомъ и посвящаю настоящую статью. Обдорскія пѣсни, прежде всего, конечно,—пѣсни великорусскія, сѣверныя.

Если классифицировать великорусскія пѣсни по напѣвамъ, то я бы намѣтилъ слѣдующія главные группы:

1) *Пѣсни протяжныя съ неопредѣленнымъ напѣвомъ, которыя можно назвать древнѣйшими или архаическими.* Типомъ этой группы являются напѣвы Олонецкой и Архангельской губерній. Я слышалъ много ихъ во время своихъ поѣздокъ по Лѣтнему берегу Бѣлаго моря. Эти пѣсни очень трудно запомнить: заунывный напѣвъ тянется съ переливами, съ подхватами; очень трудно уловить ритмъ, запомнить мотивы и самому спѣть—очень трудно даже человеку, обладающему хорошимъ слухомъ. Сколько разъ я слышалъ архангельскую „Калинушку“ или „Что вы, дѣвушки, призадумались“ и никакъ не могъ запомнить!

Эти напѣвы очень трудны и для записыванія. Почти всѣ пѣсни въ извѣстномъ сборникѣ Истомина и Дютца:

„Пѣсни русскаго народа, собранныя въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ“, принадлежатъ къ разсматриваемой группѣ. Напѣвы записаны, несомнѣнно, вѣрно, но по нотамъ не всегда легко возстановить мотивъ и пропѣть пѣсню съ ея характерными подхватами и переливами. Мнѣ, напр., записи Дютца нисколько не помогли въ воспроизведеніи „Калинушки“ и др. пѣсенъ, хотя я и самъ слышалъ тѣ же пѣсни непосредственно и отъ пѣвцовъ.

Неопредѣленность мотива влечетъ за собою его неустойчивость: часто нѣсколько пѣсенъ поется почти на одинъ и тотъ же мотивъ; разные исполнители или въ разныхъ деревняхъ поютъ не совсѣмъ одинаково одну и ту же пѣсню. На Лѣтнемъ берегу замѣчается, что и другія пѣсни—не мѣстнаго происхожденія, поются невѣрно, при чемъ искаженный мотивъ данной пѣсни приближается къ господствующему въ этой мѣстности мотиву. Какъ будто мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ опредѣленными напѣвами, но и съ особымъ характеромъ пѣсеннаго творчества, съ особою склонностью къ сочетанію извѣстныхъ звуковъ въ извѣстномъ ритмѣ. И въ такихъ мѣстностяхъ даже самыя извѣстныя всероссійскія пѣсни поются неправильно, фальшиво. Въ испол-

*) С. Обдорскъ, Березовскаго уѣзда, Тобольской губ.

пѣни и пѣвицъ съ Лѣвняго берега (гребницъ на карбасѣ) я иногда съ трудомъ различалъ даже такія знакомыя пѣсни, какъ „Ванька—Клюшникъ“ или „На серебряной рѣкѣ“. Подобныя же исторіи выходятъ иногда съ хорами нашихъ провинціальныхъ пѣвческихъ обществъ, руководимыхъ церковными регентами: они все сбиваются на церковное пѣніе! Я однажды слышалъ хоръ, исполнявшій „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“ подъ просвѣщеннымъ руководствомъ нѣкоего псалмопѣвца: выходило очень похоже на Херувимскую.

Нужно, однако, сказать, что напѣвы разсматриваемой группы могутъ дать богатый матеріалъ оперному композитору. Въ основѣ ихъ есть какая-то стихійная сила и глубина, которая только не проявляется въ достаточно опредѣленныхъ очертаніяхъ. Но если обработать такой мотивъ, то можетъ получиться своего рода перлъ. Вѣдь, извѣстный, чудный хоръ поселенъ изъ „Игоря“ Бородина: „Что не буйный вѣтеръ завывалъ“, въ сущности тоже можетъ быть отнесенъ по характеру мелодіи къ разсматриваемой группѣ.

2) *Пѣсни протяжныя съ опредѣленнымъ напѣвомъ.* Основной великорусскій характеръ тотъ же, что и въ первой группѣ, но мотивъ опредѣленнѣе, ритмъ проща. Пѣсни эти легко запоминаются, точная запись легче. Къ этому типу относятся главнымъ образомъ пѣсни смоленскія, псковско-новгородскія, московскія, волжскія, уральскія, сибирскія и др. Широко распространенныя по всей Россіи, онѣ часто распѣвались на студенческихъ вечеринкахъ, и ихъ популярность и общезвѣстность въ значительной степени создана студентами, несмотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалась учащаяся молодежь, даже когда она собиралась только для того, чтобы повеселиться и попѣть. Это, такъ сказать, *классическая* народная пѣсня. Такова, напр.: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“, „Ванька—Клюшникъ“, „Не сибѣни, мой красавица, домой“, „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ, съ Нижни Повгорода“, „Вдоль да по рѣкѣ, вдоль да по Казанкѣ“, „Возлѣ рѣчки возлѣ мосту“, „Стень Моздокская“, нѣкоторыя ямщицкія, арестантскія, разбойничьи пѣсни. Къ нимъ близко подходят по характеру напѣвовъ и нѣкоторые старинные романсы интеллигентскаго происхожденія, напр., „Долго я въ лужкахъ гуляла, грусть хотѣла разогнать“ князя Хованскаго (въ серединѣ XVIII столѣтія). Иногда одна и та же пѣсня, смотря по мѣстности, поется на два напѣва: одинъ неопредѣленный (очевидно, болѣе древній), другой болѣе отчетливый, совершенный. Вообще, можно предположить, что вторая группа мотивовъ—плодъ сравнительно высшей мелодической культуры, вторая ступень пѣсеннаго творчества.

Есть, напр., два мотива „Ваньки-Клюшника“: уральскій—неопредѣленный, тягучій, монотонный, и нижне-волжскій—иногда опредѣленный и очень мелодическій, особенно въ хоровомъ исполненіи на нѣскольکو голосовъ. Въ Архангельской губерніи я слышалъ только первый напѣвъ—менше совершенный и, вѣроятно, болѣе древній.

3) Третью группу составляютъ *народные романсы*. Это—пѣсни сравнительно недавняго происхожденія, въ значительной степени—продуктъ городского творчества. Здѣсь мелодія ближе подходит къ современной европейской музыкѣ, многіе народные романсы напоминаютъ итальянскія народныя пѣсни, взять хотя-бы „Въ одной знакомой улицѣ“, „Мальвину“, хотя заимствованія не замѣчается. Многіе народные романсы очень мелодичны. Характерной чертой часто является какой-то

почти болѣзненный надрывъ, часто замѣчается фальшивая преувеличенность чувства, чрезмѣрная сентиментальность, а иногда и пошлость.

Итъ классической ясности и простоты напѣвовъ старинныхъ пѣсенъ второй группы.

Къ народнымъ романсамъ можно отнести: „Хазь Булатъ удалой“, „Мальвину“ („Бѣдный рыцарь все стремится ко Мальвинѣ молодой“), „Стрѣлочка“, „Нигдѣ милаго не вижу“, „Чудный мѣсяць плыветъ надъ рѣкою“, „Могилу“ („Пускай могила меня покажетъ“), „Любила меня мать, уважала, что я ненаглядная дочь“, „Въ одной знакомой улицѣ“, „Кругомъ я такъ осиротѣла“. Сюда еще можно отнести едва-ли не большинство арестантскихъ пѣсенъ, напр.: „Я и шель по офицерской, стоитъ направо желтый домъ“, „Погибъ я молодчикъ, погибъ я навсегда“, „Когда я былъ свободный мальчикъ“ и др.

Народные романсы иногда берутъ текстъ изъ стихотвореній извѣстныхъ поэтовъ; такъ есть народный напѣвъ на слова Кольцова: „Ты не плачь, не горюй, слезъ горячихъ не лей“, „Напѣвы народныхъ романсовъ часто очень напоминаютъ плоды индивидуальнаго творчества въ родѣ разныхъ „цыганскихъ“ пѣсенъ, а также разныхъ сентиментальныхъ романсовъ второразрядныхъ композиторовъ, напр.: „Голубка моя, умчима съ тобой“ (слова Меретковскаго).

Рѣзкой границы между второй и третьей группой провести однако нельзя: многія пѣсни занимаютъ среднее положеніе (по напѣвамъ) между старинными народными протяжными пѣснями и народными романсами; напр., „Послѣдній ныѣшній денечекъ“, „Прощай, радость жизнь моя“, „На серебряной рѣкѣ, на золотомъ песочкѣ“, „Ты воспой, воспой жаворончекъ, жаворончекъ, на проталинкѣ“, „Мамашенька бранится, что доченька грусна“ „Мамаша спитъ, шитье бросаю“ и мн. др.

Замѣчательная и любопытная особенность народныхъ романсовъ: ихъ необычайно быстрое, какое-то эпидемическое распространеніе по всей Россіи, при чемъ данная пѣсня долго не держится, а скоро сходитъ съ ренертуара, замѣняя ее скоро другимъ новымъ популярнымъ напѣвомъ. Такъ одно время (1876—1879 г.г.) вся Россія пѣла „Стрѣлочка“, потомъ „Хазь Булатъ удалой“, „Мальвину“ (1882—1883 г.) „Нигдѣ милаго не вижу“. Не такъ давно всѣ пѣли „Чудный мѣсяць плыветъ надъ рѣкою“ (начиная приблизительно съ 1899 года), по потомъ его отъ части вытѣснила „Разлука“ (сочиненная гораздо раньше, но бывшая сравнительно въ заголѣ). Послѣ японской войны появился „Послѣдній ныѣшній денечекъ“ и со скоростью желѣзнодорожнаго поѣзда облетѣлъ буквально всю Россію. Теперь, кажется, чаще поютъ „Могилу“.

Прослѣдить мѣсто зарожденія и пути распространенія этихъ „лейтъ-мотивовъ“, кажется, никому не удавалось, т. к. народными романсами вообще интеллигенція не интересуется, относится къ нимъ какъ то брезгливо, какъ къ „кухарочьимъ“ пѣснямъ.

Довольно большое влияніе на быстроту и широту распространенія народныхъ романсовъ оказывали шарманки, а потомъ граммофоны.

4) Четвертую группу могутъ составить напѣвы духовныхъ стиховъ, пѣсенъ слѣпцовъ, раскольничьихъ гимны. Очень хороши, между прочимъ, смоленскій напѣвъ „Лазаря“. Сюда же примыкаютъ напѣвы былинъ, пѣ-которыхъ историческихъ пѣсенъ, напр., замѣчательный смоленскій напѣвъ, извѣстный по многимъ хрестоматіямъ пѣсни о татарскомъ полонѣ

(„Какъ за рѣчкою, какъ за Дарьею“). Въ сборникѣ Истомина и Дютцша приведено много характерныхъ напѣвовъ именно этой группы.

5) Пятую группу образуютъ *пѣсни ухарскія*; напр. „Вдоль по улицѣ широкой молодой кузнецъ идетъ“, или еще одна очень хорошая, съ оригинальными словами уральская пѣсня: „Протянулись усы отъ Мiаса до Кусы“. Сюда-же относится большинство солдатскихъ пѣсень. Особый отдѣлъ этой группы могутъ составить плясовые пѣсни.

6) *Пѣсни дѣтскія*, которыя стали таковыми впоследствии. Первоначально большинство ихъ не были собственно дѣтскими, а игровыми и свадебными. Для дѣтей были выбраны пѣсни, отличавшіяся болѣе простыми, жизнерадостными напѣвами, и затѣмъ распространились, какъ дѣтскія совмѣстнымъ воздѣйствіемъ семьи и школы, а также самими дѣтьми.

7) *Наконецъ-частушки*. Самая замѣчательная частушка (по напѣву)—вожская „Мотани“, затѣмъ псковская „Кровинушка“; сѣверная частушка „Дроля“

Если мы обратимся теперь къ обдорскимъ пѣснямъ, то увидимъ, что онѣ имѣютъ свой особенный колоритъ.

Конечно, въ Обдорскѣ поется много пѣсень, запасенныхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Распѣваются даже и малороссійскія пѣсни, не такъ давно запасенныя ссыльными студентами-хохлами.

Но есть и чисто мѣстные, исконно обдорскія пѣсни, главнымъ образомъ игровыя и свадебныя. Конечно, эти пѣсни сочинялись не въ самомъ Обдорскѣ, но, по крайней мѣрѣ, онѣ тамъ существуютъ очень давно, при чемъ, очевидно, все, что не подходило подъ музыкальный вкусъ обдорянъ, было уже давно отброшено и забыто, а остались въ народной памяти только тѣ напѣвы, которые какъ-то гармонировали съ общимъ музыкальнымъ настроеніемъ обдорянъ. Въ концѣ концовъ осталась группа пѣсень, имѣющихъ нѣкоторый общій отпечатокъ. Я и буду имѣть въ виду исключительно старинныя обдорскія пѣсня, о которыхъ обдоряне говорятъ, что и самые старые старики не помнятъ, когда онѣ возникли или принесены и которыя должно быть были занесены первоначальными завоевателями Обдорскаго края.

Всѣ обдорскіе напѣвы отличаются однимъ общимъ колоритомъ: это—напѣвы очень опредѣленные, простые, ясные. Музыкальная фразировка простая и законченная, мотивъ всегда отчетливо выраженъ и почти всегда очень музыкаленъ. О простотѣ напѣвовъ можно судить по тому, что проф. В. В. Эвальдъ, который записалъ съ моего голоса 24 напѣва, успѣлъ выполнить эту работу въ какихъ нибудь 3 часа, записавъ напѣвы съ абсолютною точностью, настолько, что по прилагаемымъ нотамъ можно виолнѣ, со всѣми оттѣнками воспроизвести любой мотивъ.

Огромную разницу я замѣтилъ между пѣснями обдорскими и архангельскими-поморскими. Это кажется страннымъ: вѣдь и обдоряне, и поморы живутъ на крайнемъ Сѣверѣ и среди сходной природы. Очевидно, тотъ отрядъ войска Ермака и его преемниковъ, который пропикъ на Тобольскій сѣверъ, состоялъ изъ жителей не изъ Сѣвера Россіи. Судя по текстамъ обдорскихъ пѣсень—наиболѣе близкіе варианты встрѣчаются въ Оренбургской губерніи—родинѣ янскихъ казаковъ. Не отсюда ли пришли и первоначальные завоеватели Березовскаго и Обдорскаго края? Съ другой стороны, сравнительно довольно много сходныхъ вариантовъ есть и въ Пермской, Вятской и Вологодской губ. и,—что всего удивительнѣе—изъ Псковской, при чемъ варианты послѣдней губерніи—

очень старинные, которые теперь тамъ совершенно не поются. Это касается словъ пѣсенъ. Что касается напѣвовъ, то, къ сожалѣнію, я совершенно не знаю, на какіе мотивы поются данныя пѣсни въ губер.: Оренбургской, Пермской и др. Только могу предположить, на основаніи тождественности стихотворнаго размѣра и очень большого сходства словъ,—что, по крайней мѣрѣ, оренбургскіе напѣвы могутъ быть тѣ же, что и обдорскіе.

Обдорскія пѣсни нѣкимъ образомъ нельзя причислить къ первой группѣ—протяжныхъ, съ неопредѣленнымъ напѣвомъ (*архаическія*), типъ которыхъ наоборотъ могутъ считаться пѣсни Архангельской и Олонецкой губ. Нельзя вполнѣ причислить ихъ и ко второй группѣ (*классическія* русскія народныя пѣсни), т. е. къ протяжнымъ съ опредѣленнымъ напѣвомъ, т. к. именно протяжности-то и нѣтъ въ обдорскихъ напѣвахъ. О третьей группѣ (*романсы*), конечно, и говорить нечего: обдорскія пѣсни для этого слишкомъ старинны. Пѣсни первыхъ трехъ группъ (всѣ протяжныя) даже плохо усваиваются обдорянами: этотъ родъ напѣвовъ, очевидно, чуждъ обдорскому уху.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ выше группъ ихъ скорѣе всего можно причислять къ такъ называемымъ дѣтскимъ пѣснямъ—по простотѣ и мелодичности мотива. Характеръ напѣвовъ обдорскихъ пѣсенъ напоминаетъ тѣ игровыя и др. русскія пѣсни, которыя теперь вошли въ дѣтскій и отчасти школьный репертуаръ (во многихъ земскихъ школахъ): „Какъ по морю, морю синему плыла лебедь съ лебедятами“, „Ужь мы просо съяли, съяли“, „Какъ у нашихъ у воротъ“, „Ахъ вы, сѣни мои, сѣни“ и т. п.

Поэтому обдорскія пѣсни можно бы съ успѣхомъ рекомендовать для дѣтскихъ сборниковъ, для школьнаго хорового пѣнія и т. п.

Обдорскія свадебныя пѣсни очень удобны для введенія ихъ въ качествѣ музыкальных номеровъ въ различныя бытovyя и историческія театральныя пьесы. Обдорскія пѣсни могутъ также исполняться въ разныхъ концертныхъ хорахъ (вродѣ Славянскаго, Архангельскаго). Онѣ очень легко разучиваются, ихъ красота сразу легко воспринимается слушателями, вообще, эти пѣсни относятся до извѣстной степени къ жанру легкой музыки, а потому и исполненіе ихъ не требуетъ такой спеціальной подготовки и особаго умѣнья, каковыя необходимы для какихъ-нибудь архаическихъ пѣсенъ съ ихъ сложными и запутанными переливами и подхватами. Въ „Бѣдность не порокъ“—Островскаго, между прочимъ, есть одно величаніе, очень напоминающее приводимую мною за № 21 свадебную пѣсню. Зато въ извѣстной пьесѣ „Русская свадьба“ нѣтъ ни одной пѣсни съ обдорскими напѣвами, хотя нѣкоторыя были бы тамъ вполнѣ у мѣста, особенно №№: 14, 15, 16 и 20.

Если примѣнить къ характеристикѣ напѣвовъ то, что говоритъ Нитиче о Діонисовскомъ и Аполлоновскомъ началѣ, то я бы сказалъ, что, напр., пѣсни Архангельской и Олонецкой губ. выражаютъ Діонисовское начало: въ нихъ чувствуется какая-то смутная тоска, неопредѣленные стремленія, неосознанная глубина смущеннаго и тоскующаго духа. Наоборотъ—въ обдорскихъ напѣвахъ—простыхъ, кристально-чистыхъ и ясныхъ—слышится Аполлоновское начало ясности, опредѣленности, гармоніи, душевнаго равновѣсія.

Вообще, изъ перечисленныхъ мною группъ можно отнести къ Діонисовскому началу: первую группу (напѣвы архаическіе), третью (романсы). Сюда же надо отнести и частушки, т. к. въ нихъ ясно слы-

пшится несомнѣнный надрывъ. Частушки ужъ по тому одному надо отнести къ Діонисовскому началу, что это пѣсни переходнаго времени: пѣсни, указывающія на какой-то кризисъ, переломъ въ области духовной жизни народа. Къ Аполлоновскому началу можно отнести: вторую группу (классическую)—отчасти, четвертую, пятую, шестую.

Два слова о языкѣ обдорскихъ пѣсень: обдоряне поютъ пѣсни безъ всякаго цоканья и ссюканья, которое въ обыкновенномъ разговорѣ замѣчается у нѣкоторыхъ въ Обдорскѣ. Поэтому, если не считать сильнаго сѣвернаго оканья, мы не встрѣчаемъ въ словахъ обдорскихъ пѣсень какихъ-либо фонетическихъ особенностей. Языкъ пѣсень довольно правильный,—въ немъ такъ мало провинциализмовъ, что, записывая слова, я боялся, не подумали бы, что я записываю не такъ, какъ онѣ поются (не фонетически). Стихотворный размѣръ тоже почти вездѣ хорошо выдержанъ. Вообще, по сравненію съ другими народными пѣснями—обдорскія довольно литературны.

Изъ обдорскихъ пѣсень я привожу только тѣ, которыя или вовсе не были записаны или записаны въ другихъ вариантахъ. Сличеніе съ вариантами я дѣлалъ по извѣстному сборнику Шейна: „Великороссъ въ его пѣсняхъ, обрядахъ и проч.“. Этотъ сборникъ и вообще наиболѣе полный (кромѣ сборника Соболевскаго), а относительно пѣсень обрядовыхъ и свадебныхъ (каковыя почти исключительно я записывалъ въ Обдорскѣ) безусловно самый полный—(всего 2564 пѣсни). Слова 2—3 пѣсень, къ сожалѣнію, мною утрачены, но я все же помѣстилъ поты къ нимъ, считая гораздо болѣе цѣннымъ матеріаломъ—напѣвы, чѣмъ слова. Изъ 24 приводимыхъ мною пѣсень—шести (№№: 3, 7, 14, 16, 17, 19) сохранились у Шейна, остальные встрѣчаются въ различныхъ вариантахъ, при чемъ я отмѣчалъ—въ какихъ именно губерніяхъ. Кромѣ приводимыхъ, въ Обдорскѣ поются на правахъ своихъ, старинныхъ и многія другія—общезвѣстныя, напр.: „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни“, „Во лужяхъ“, „Какъ по морю, морю синему“, „Во саду ли, въ огородѣ“, „А мы просо сѣяли“, „Цвѣтики, цвѣтики алы, голубы“, „Уточка полевая“ и мн. др., относящіяся къ тому же разряду дѣтскихъ пѣсень, или вѣрнѣе, ставшихъ теперь дѣтскими. Отмѣчу, между прочимъ, что въ Обдорскѣ совершенно неизвѣстенъ одинъ изъ лучшихъ перловъ нашего пѣсеннаго творчества: „Ужъ и золото хороно“.

Что касается записанныхъ напѣвовъ, то, сказать навѣрное, что приводимые мною нигдѣ не были записаны, я не могу, за недостаточнымъ знакомствомъ съ пѣсенной литературой. Могу только сказать, что въ сборникѣ Дютца и Истомина „Пѣсни Архангельской и Олонецкой губ.“, а также въ приложеніи къ сборнику Шейна и въ разныхъ другихъ болѣе мелкихъ сборникахъ народныхъ пѣсень, а также дѣтскихъ нѣтъ ни одного изъ прилагаемыхъ напѣвовъ. И самому не приходилось слышать ихъ въ другихъ мѣстностяхъ.

1) *Провыл.*

- 1) Отворяйтея, широкія ворота,
Ужъ я сяду на добра коня, поѣду.
Я поѣду въ Китай-городъ гуляти,
Молодой женѣ подарокъ покупати:
Саму, саму преотличную шолку.
Я положу на серебряно блюдо,
Подойду я къ молодой женѣ поближе,

Поклонюсь я молодой женѣ пониже—
 Ну, и на бери, жена, не гордися,
 Душа-сердце мое, не чуванься.

(Дѣвушка, изображающая жену, отталкиваетъ подносимый ей подарокъ).

„Посмотрите-ка, добрые люди,
 Какъ жена-то меня молодца не любить,
 Она всѣмъ сердцемъ ненавидитъ“.
 Отворяйтея, широкія ворота и т. д.
 (повторяются 4 первыя строки).

.....
 Саму, саму преотличную плетку
 Я положу на серебряно блюдо
 (повторяются слѣдующія 4 строки).

„Посмотрите-ка, добрые люди,
 Какъ жена-то меня молодца любить,
 Она всѣмъ сердцемъ приголубитъ,
 Приголубитъ жена, попакуеть“.

(Играющіе цѣлуются. Каждая строка поется 2 раза). У Шейна („Великороссъ“) есть два варианта этой пѣсни: за № 464 изъ Вологодской губ. и за № 1215—изъ Пермской губ. Слова обоихъ вариантовъ довольно сильно разнятся отъ Обдорскаго.

- 2) Ходитъ царь-царевичъ
 Да царевъ сынъ,
 Сынъ да царевъ, сынъ да царевъ.
 Еще ищетъ царь царевну
 Да царевъ сынъ,
 Сынъ да царевъ, сынъ да царевъ.

(Играющіе ходятъ одинъ за другимъ вокругъ хоровода, царевичъ ищетъ царевну, наконецъ находитъ ее и они цѣлуются; остальные слова пѣсни мною утрачены). Варианты въ сборникѣ Шейна за №№: 1056, 1057 и 1062 изъ Тверской, Псковской и Вятской губ. Наиболѣе близкій къ Обдорскому—Псковской губ.

- 3) Ходитъ царь, да ходитъ царь
 Вкругъ Нова-города, вкругъ Пова-широка.
 Ищетъ царь, да ищетъ царь
 Царь царевну свою, да королеву свою.

(Игра при этой пѣснѣ такая же, какъ и въ предыдущей). Слова этой пѣсни почти тождественны съ вариантомъ, приведенномъ въ вышеуказанномъ сборникѣ Шейна подъ № 1059, записанномъ въ Пермской губерніи.

- 4) Въ хороводъ выходятъ трое: одинъ кавалеръ и двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна держитъ шапку, а другая—трость. Одна изъ дѣвушекъ запѣваетъ:

„Пошла наша черемха
 „Изъ города въ деревню.
 (Хоръ поетъ припѣвъ послѣ каждой строфы)
 „Да дѣва ай люли, да радость моя“.
 „Что крестьянину на пашню,
 „Крестьянкѣ въ избушку.
 „Да дѣва, ай люли и проч.

(подходить къ одному изъ играющихъ, изображающему крестьянина):

„Ты позволъ намъ, хозяйюшка,

„Здѣсь расположитсяя

„Со всею семьей.

„Еще на шапку-то на спичку,

(при этомъ вѣшаетъ шапку на гвоздь)

„Еще тростку-то на лавку

„А повозникъ-отъ подъ лавку

(изображающій повозника остается)

„Не пора-ли собираться,

„Со хозяиномъ прощаться.

„Еще гдѣ-то моя шапка?

(играющая подходитъ къ хозяину, который подаетъ шапку).

„Это шапка-то не наша,

„У насъ была шапка:

„Околъ соболинъй,

„А верхъ бархатинъй.

„Если хошь меня ограбить,

„Прикину я тебѣ.

(бросаетъ „хозяину“ шапку).

„Еще гдѣ-то моя тростка?

„Это тростка-то не наша,

„У насъ была тростка

„Бѣла камышева,

„Кольцо золотое.

(бросаетъ хозяину трость).

„Если хошь меня ограбить,

„Прикину я тебѣ.

„Еще гдѣ-то мой повозникъ?

„Это повозникъ-отъ не нашъ, вѣдь,

„У насъ былъ повозникъ

„Бѣлый, кудреватый.

(растрепываетъ повознику шевелюру).

„Холостъ, не женатый.

„Если хошь меня ограбить,

„Прикину я тебѣ“.

(толкаетъ повозника къ хозяину).

Потомъ опять поютъ: „не пора-ли собираться и проч., опять подходятъ къ хозяину и спрашиваютъ шапку, тростку и повозника. Во второй разъ все оказывается „нашимъ“, и игра кончается.

5) Сидитъ писарь, сидитъ писарь

Въ государевой конторѣ“

Припѣвъ: Лебединь, мой лебединь,

Лебедушка бѣлая.

(Слова утрачены).

6) Скажи, душа, скажи, свѣтъ:

Скажи, любишь или нѣтъ?

Припѣвъ: Ой тальянь, ой люли

Скажи, любишь или нѣтъ.

Скажи, любишь или нѣтъ.

Я любить не люблю,
 Отказаться не могу.
 Ой тальянъ и т. д.
 Отказаться не могу—
 Поцалую, да уйду.
 Мы шампанское выпьемъ,
 Бокаль разобьемъ.
 Мы бокаль разобьемъ,
 Съ миленькимъ гулять поидемъ.

- 7) Какъ по мосту, по мосточку
 По калинову дѣбочку.
 Тутъ и шли прошли дѣвицы,
 Три названья сестрицы.
 Во рукахъ-то фонарѣчки,
 Въ фонаречкахъ уголечки.
 Уголечекъ обронили,
 Калинъ мостикъ загорался.
 Загорался, зажичался.
 У старого сердце поеть,
 Сердце поеть, занываетъ
 По душѣ красной дѣвицѣ,
 По названной по сестрицѣ.
- 8) Шелковая ниточка къ стѣнѣмъ льнетъ—
 Молодецъ у дѣвицы ручку жметъ,
 Жметъ пожимаетъ, выпрашиваетъ:
 „Скажи, скажи, дѣвица, кто тебѣ милъ?
 „Милъ миѣ милѣшенекъ батюшка!
 Это-же, дѣвица, неправда твоя,
 Это-же, красавица, не истинная.
 Шелковая ниточка и т. д.
 Мила миѣ, милешенька, матушка.
 Это-же дѣвица неправда твоя и т. д.
 Милъ миѣ милѣшенекъ ты, господинъ!
 Это-же дѣвица правда твоя,
 Это-же, красавица, истинная.

У Шейна приведены четыре варианта, наиболее близкій—за № 1506—Вологодской губернии, причемъ и стихъ таковогоже размѣра, изъ чего можно заключить, что, вѣроятно, и напѣвъ тотъже или очень похожій. Остальные 3 варианта за №№: 1742, 1950 и 2362, изъ Новгородской, Тульской и Симбирской губ. менѣе похожи, и стихъ другого размѣра.

- 9) Ты, заря-ли моя зоренька,
 Ты, зари моя вечерняя!
 Вечоръ млада розыгралася,
 Розыгралася, расплясалася.
 Свекоръ—батъка у воротъ стоитъ
 У воротъ стоитъ, меня домой зоветъ.
 Я пейду, пейду, не слушаюся;
 У насъ пѣсни недопѣтыя,
 У насъ игры недоигранныя.
 Ты, заря-ли моя, зоренька, и т. д.

Молодой мужъ у воротъ стоитъ,
 У воротъ стоять, меня домой зоветь.
 Я пойду, пойду послушаюся:
 У насъ игры всѣ доигранныя,
 У насъ пѣсни всѣ допѣтыя.

У Шейна три варианта: за № 453, 454, 455. Курской, Орловской и Пермской губ., послѣдній наиболѣе близкій).

- 10) Какъ во полѣ. было въ полѣ,
 Въ широкомъ раздолѣ
 Какъ подъ старой подъ ракитой
 Гусарикъ убитый.
 Онъ убитый, не убитый,
 Тафтою прикрытый,
 Кисеей закрытый.
 Подходили ко гусару
 Молоды дѣвицы.
 Онъ тафту открывали
 Лице признавали,
 Они лице признавали,
 Въ уста цѣловали.

Отдаленный вариантъ этой пѣсни у Шейна за № 1259 изъ Владимирской губ., Муромскаго уѣзда.

- 11) Заинька.

Словъ этой пѣсни не привожу, т. к. почти тождественный вариантъ есть у Шейна за № 350 изъ Вятской губ. Кромѣ того, тамъ-же еще 4 варианта, менѣе близкіе за №№: 348, 349, 351 и 352 изъ Тулы; Новгородской губ., Крестецкаго уѣзда; Орловск. губ., Елецкаго у.; Тульской губ. Бѣл., у.

- 12) Паучи ты меня, мати,
 Научи-ко, сударяня,
 Какъ леночекъ мнѣ сажати,
 Пригѣвъ: Эдакъ, дочи, эдакъ, дочи,
 Эдакъ бѣленькій леночекъ;
 Сердцу радость зеленочекъ.
 Научи ка меня, мати и проч. •
 Какъ леночекъ мнѣ полоти.

Пригѣвъ: Эдакъ, дочи, эдакъ, дочи, и проч.

Въ дальнѣйшемъ исполненіи пѣсни воспроизводятся всѣ послѣдующія операціи со льномъ: какъ леночекъ мнѣ таскати, мочити, сушити и, наконецъ: „какъ рубашечку мнѣ шити“. Вариантовъ этой пѣсни у Шейна нѣтъ, хотя она несомнѣнно занесена въ Обдорскъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ населеніе занимается льномъ, чего въ Обдорскѣ, конечно, нѣтъ: тамъ и не видали никогда, какъ онъ растетъ. Кромѣ этой пѣсни въ Обдорскѣ поютъ еще другую—общезвѣтную пѣсню о льнѣ: „Ужь я сѣяла, сѣяла ленокъ, ужъ я сѣя приговаривала, чеботами приколачивала“—напѣвъ въ Обдорскѣ тотъ, что и по всей Россіи; и игра та же.

- 13) Сидитъ дрѣма,
 Сидитъ дрѣма на диванѣ.
 Сидитъ дрѣма,

Самъ онъ дремлетъ,
 Пора дремушкѣ проснуться—
 Взгляни, дрѣма, по народу.
 Бери, дрѣма, кого любишь,
 Сади, дрѣма, съ собой рядомъ.
 Цѣлуй, дрѣма, сколько хочешь.

Каждая строка повторяется 2 раза. Пѣсня эта сравнительно недавно, въ 70-хъ годахъ, занесена изъ с. Самаровскаго Тобольской губ.

II. Свадебныя.

- 14) Кремъ (?) деревцо, кремъ деревцо пошатнулося,
 Вѣточка, вѣточка обломилася
 Ягодка, ягодка покатилася.
 Крыла лѣса, крыла лѣса алымъ бархатомъ,
 По полю катилася, по полю катилася жемчужиною.
 Къ морю подошла, къ морю подошла сѣрой утицею.
 По бережку шла, по бережку шла красной дѣвицею.
 Красной дѣвицею—свѣтъ Авдотѣй Ивановной.
 По морю корабли, по морю корабли плывутъ.
 Чьи корабли, чьи корабли—свѣкра батюшки.
 Свекра батюшки—свѣтъ (имя будущаго свекра невѣсты),
 Чьи корабли, чьи корабли—свекровь матушки.
 Свекровь матушки—свѣтъ—(имя будущей свекрови).

- 15) Увивается ласточка,
 Да увивается косатая
 Вкругъ своихъ малыхъ дѣтушекъ
 Да кукушечекъ.
 Увивается Дунюшка
 Свѣтъ Ивановна
 Вкругъ родимаго своо батюшки
 Да и матушки.

(Дальнѣйшія слова мною утрачены).

- 16) Какъ во стольномъ Новомъ-городѣ,
 Во столовой новой горницѣ
 Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ столъ,
 За столомъ сидѣлъ-отъ молодецъ,
 Онъ чесалъ-то кудри русыя
 Черепуховой гребеночкой.
 Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:
 „Приходи, моя боярышня,
 Ты катись, груша зеленая.
 Прилетай-ко, моя ласточка,
 Проблести, искра алмазная!⁴
 Не успѣлъ рѣчи закончить онъ,
 Какъ вдругъ двери растворилися,
 На пятѣ остановилися.
 Какъ отвѣтъ держитъ дѣвица,
 Отвѣчаетъ свѣтъ (имя и отчество невѣсты):
 „—Если-бъ я была боярышня,
 Я ходила-бы со мамками.
 Если-бъ я—груша зеленая,

Я-бъ висѣла въ зеленомъ саду,
 Въ зеленомъ саду у батюшки,
 Если-бъ я то была ласточка,
 Я-бъ летала въ синемъ небѣ.
 Если-бъ я—искра алмазная,
 Я-бъ блистала въ золотомъ перстиѣ,
 Въ золотомъ перстиѣ у молодца
 У Ивана свѣтъ Ивановича.

Вариантъ у Шейна за № 1503, очень, впрочемъ, отдаленный: „Въ Китаѣ было городѣ“, записанъ въ Вологодской губ.

- 17) Выпала порошенька
 На землю, землю талую,
 Что по той, по порошенькѣ
 Выбѣгалъ сѣрый заюшка,
 А за заюшкой лисанька,
 А за лисанькой добрый конь,
 На добрѣ то конѣ молодець,
 Онъ тугой-отъ лукъ натягиваль,
 Калену стрѣлу накладываль,
 Самъ-отъ стрѣлкѣ приговариваль:
 Ты лети-ка, моя стрѣлонька,
 Выше лѣсу стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Высоко по поднебесью,
 Далеко по сырой землѣ.
 Ты подстрѣль, подстрѣль заюшку
 Что подъ правую подъ назушку.
 Увидала его мамонька изъ высокаго терема,
 Изъ высокаго терема,
 Изъ косяцата окошечка,
 Изъ нѣмецкаго стеколышка.
 Исполать тебѣ (имя жениха),
 Исполать тебѣ (отчество).
 Ты умѣль хороши родитися,
 Хорошо снарядитися
 Предъ князьями-боярами,
 Предъ своей меньшей братіей.
- 18) Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, сѣничкамъ,
 По частымъ-ли переходикамъ.
 Тутъ ходила выгуливала
 Дорога наша боярыня
 Свѣтъ— (имя и отчество величаемой гостыи)
 Она будила выбуживала
 Своего-то друга милаго,
 Своего друга любезнаго
 Свѣтъ (имя и отчество мужа величаемой гостыи)
 Встань, проснися, пробудися, мой другъ!
 Ночью снился мнѣ-ка страшный сонъ:
 Какъ бѣда-то неминучая:
 Оторвался нашъ добрый конь
 Отъ столба, столба дубоваго,

Отъ кольца, кольца серебрянаго
 Что витого позолоченнаго!
 Онъ ворвался во зеленый садъ,
 Весь зеленый садъ повиотпталъ
 Со калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодой смородиною,
 Со наливными яблочками!⁴
 Отвѣчаетъ ея вѣрный другъ:
 — „Ты не плачь, моя умная,
 Не взрыдай, моя разумная.
 Можетъ, можетъ Богъ помилуетъ,
 Государь-отъ царь пожалуетъ,
 Наживемъ съ тобой зеленый садъ,
 Садъ съ калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодой смородиною,
 Со наливными яблочками!“

У Шейна записаны 4 варианта этой пѣсни за №№: 1763, 1837, 2315 и 2429 изъ г. Пскова, Рязанской, Нижегородской и Оренбургской губ. Варианты Рязанской и Нижегородской губ. значительно короче и не очень сходные, но два другихъ: Псковскій и Оренбургскій очень сходные, съ небольшими лишь отклоненіями.

- 19) Какъ по рѣчкѣ рѣкѣ (2 раза)
 Какъ суденце, суденце плыветь,
 Корабельная шлюпочка.
 Какъ во судиѣ-то томъ
 Удалой добрый молодець
 Свѣтъ по имени, по отчеству
 (имя величаемаго гостя).
 Да какъ бережкомъ шла,
 Дорога его боярыня (имя и отчество его жены).
 — „Я тебѣ радость скажу
 И веселье великое,
 Я тебѣ сына рожу,
 Сына яснаго сокола
 Свѣтъ по имени, да по отчеству
 (Имя сына).
 Я тебѣ дочку рожу,
 Дочку—бѣлую лебедушку—
 (Имя дочери).

(Каждая строка повторяется два раза).

20. Плавала чарочка въ сладкомъ меду,
 Въ сладкомъ меду, въ сладкой патоцкѣ,
 Никто за чару не возмется!
 Взился, принялся смѣлой челоуѣкъ,
 Смѣлой челоуѣкъ, удалой молодець
 Свѣтъ (имя и отчество величаемаго гостя).
 Самъ испивалъ, да женѣ подносилъ:
 Кушай, жена, кушай, барыня моя.
 Роди ты сына во меня, во меня
 (Имя сына).

Роди ты дочку во себя, во себя
(Имя дочери величаемыхъ гостей).

У Шейна довольно близкій вариантъ за № 1163 изъ Котельничск. уѣзда—Вятской губ., и еще нѣкоторое сходство есть въ свадебн. пѣснѣ за № 2287 изъ Нижегородской губерніи.

21. Кто у насъ хорошій,
Да кто у насъ пригожій?
Розань, мой розань,
Да виноградъ зеленый

(Этотъ припѣвъ поется послѣ каждаго двустишія).

Свѣтъ Иванъ хорошій
Ивановичъ пригожій
По горницѣ ходить,
Намѣрно *) ступаетъ,
На крыльцо выходитъ,
Конь къ нему подходитъ.
На коня садится—
Конь подъ нимъ бодрится.
Плеточкой онъ машетъ,
Конь подъ нимъ-отъ пляшетъ,
Къ лугамъ подѣзжаетъ,
Цвѣты расцвѣтаютъ,
Къ морю подѣзжаетъ,
Море колыхаетъ,
Къ дому подѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ
Сыномъ называетъ.
Въ горницу вводила,
На диванъ садила,
Дѣвицей дарила:
Вотъ тебѣ невѣста,
Вотъ тебѣ хороша.

Очень близкіе почти тождественный вариантъ, съ тѣмъ-же припѣвомъ у Шейна за № 2410 изъ Оренбургской губерніи, Другіе варианты за №№: 1730, 1989 и 2309, записанные въ Новгородской, Смоленской и Нижегородской губ.—менѣе близки.

22. Еще было то во нынѣшнемъ году—
Уродился виноградъ во саду.
Добрый молодецъ гулялъ во саду.
Онъ срывалъ цвѣты на ходу.
Самъ цвѣточку любитъ,
Красотѣ своей дивуется:
Лицо бѣло, какъ бѣлый снѣгъ,
Щеки алы, какъ маковъ цвѣтъ,
Очи ясны, ясныи сокола,
Брови черны, черныи соболя.
Ужъ какъ былъ я въ Петербургѣ и Москвѣ
Да не нашель невѣсты по себѣ.
Еще нынче я получше снаряжусь,
Пойду въ церкву, пойду Богу помолюсь.

*) Въ вариантахъ у Шейна „манерно“

Ты пошли мнѣ пѣвѣсту богатую,
Да со мноюю приданую.

Очень близкій вариантъ у Шейна за № 1572 записанъ въ Вятской губ.

III Любовная.

№ 23. Пѣсня объ отравительницѣ.

Я ходила и гуляла въ чистомъ полѣ далеко,
Ужь я рыла и копала зло коренье глубоко.
Ужь я мыла, вымывала чисто на чисто его.
Я сушила зло коренье сухо на сухо его.
Сподоблю я зло коренье медомъ, патокой его,
Позову я друга въ гости, стану подчивать его.
Посажу я на кроватку, стану спрашивать его:
— „Каково, то другъ любезный, на сердечкѣ на твоємъ?
— „На моемъ то на сердечкѣ, на моемъ то на ретивомъ
Ровно камушекъ лежитъ.
Подъ моей то грудью бѣлой, ровно лютый змѣй шипитъ.
Ты съумѣла, расканалья, упоить и угостить,
Такъ съумѣй же, расканалья,
Мое тѣло схоронить.
Схорони ты мое тѣло, схорони ты мое бѣло
Между трехъ большихъ дорогъ:
Между Питерской, Московской,
Третьей Кіевской большой.

Пѣсня эта вообще не принадлежитъ къ числу популярныхъ и поется не часто. Но она распространена почти по всей Россіи во многихъ вариантахъ. Такъ у Шейна приведено за №№ 822—829—восемь вариантовъ записанныхъ въ губерніяхъ: Тверской, Костромской, Тульской, Вологодской и Рязанской. Приведенный обдорскій вариантъ всего ближе подходитъ къ записанному Шейномъ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Напѣвъ пѣсни очень характеренъ: онъ имѣетъ какой-то мрачный, зловѣщій колоритъ, вполне соответствующій трагическому содержанію словъ.

IV. Шуточная.

№ 24. Задумала меня матушка
Выдать за Иванушка.
Нейду, нейду, мамонька,
Нейду, не подумаю:
У Ивана въ саду яма—
Завсегда я буду тамо.
Задумала меня матушка
Выдать за Степанушка:
Нейду, нейду, мамонька,
Нейду, не подумаю.
У Степана три стакана—
Завсегда я буду пьяна.
Задумала меня матушка
Выдать за Филипушка.

Нейду, нейду, мамонька,
 Нейду, не подумаю:
 У Филиппа въ саду липа—
 Завсегда я буду бита.

Почти тождественный вариантъ у Шейна за № 581, записанный въ Тульской губернии.

В. В. Бартенева.

По поводу статьи „Морта“: Родственны ли зыряке японцамъ.

Въ № 18 „Извѣстій Арх. О-ва изуч. Рус. Сѣвера“ за текущій 1914 г. помѣщена статейка „Морта“—Родственны ли зыряне японцамъ.

Въ означенной статейкѣ „Мортъ“ (псевдонимъ, настоящую свою фамилию Мортъ не рѣшился назвать), ссылаясь на русско-зырянскій словарь извѣстнаго „зырянолога“ А. А. Цембера, т. е. на меня, говорить, что рукавица по-зырянски „кепысь“. Мортъ не упоминаетъ, что русско-зырянскій словарь мной составленъ одного вычегодскаго говора, что зырянскихъ говоровъ, имѣющихъ болѣе или менѣе значительныя различія, нѣсколько: вычегодскій, сысольскій, лузскій, ижемскій, удорскій.

На лузскомъ говорѣ рукавица по-зырянски „тепысь“, а рука—„ти“ (см. книжку „Комі мойдан кывъ-яс“, изд. 1913 года, сказку „Чоя—вока“), т. е. почти так же, какъ и по-японски „те“.

Мортъ пишетъ: „Я незнакомъ съ японскимъ нарѣчіемъ, но я хорошо знаю зырянскій языкъ“. Я убѣжденъ, что Мортъ не знаетъ—и зырянскаго языка, ни его грамматики, въ особенности той части, которая называется фонетикой. Знаетъ онъ одинъ говоръ зырянскаго языка вычегодскій, наименѣе сохранившійся и наполовину обрусѣвшій, но этого еще ему недостаточно, чтобы съ такимъ англоблѣмъ критиковать статью знаменитаго зырянина К. О. Жакова о близости японскаго и зырянскаго языковъ. Г. Жакову, какъ видно изъ его статьи „Въ Японіи“, извѣстны всѣ говоры зырянскаго языка, изучалъ онъ также пермяцкій и вотяцкій языки, родственные зырянскому.

Вопросъ о близости японскаго и финскаго языковъ не новый въ наукѣ. Въ половинѣ XIX вѣка венгерскіе ученые доказывали это въ положительномъ смыслѣ.

Порицать же форму изложенія, говорить о томъ, что статья Жакова не представляетъ изъ себя научнаго трактата, а полубеллетристическую статью, совершенно неосновательно. Я увѣренъ, что „Мортъ“ да и многіе другіе этого научнаго трактата и не прочитали бы, какъ, вѣроятно, не читали философскихъ трудовъ Жакова, изложенныхъ не „сантиментально“.

Ставить кавычки въ словѣ зырянологъ (извѣстнаго „зырянолога“ А. А. Цембера) тоже неумно. Что Мортъ находитъ предосудительнаго въ томъ, что я составляю словари, собираю зырянскія сказки.

По-моему, надо такихъ людей поощрять, а не высмѣивать.

Древнѣйшій языкъ Европы зырянскій (пра-финскій), давшій географическія названія значительной части рѣкъ и городовъ Евро-

пейской Россіи и отчасти Западной Европы (въ рѣки съ окончаніемъ на „ва“: Москва, Нева, Лозва, Зерва, Сава и т. д. слова зырянскія; „ва“ значитъ по зырянски вода, рѣка, а мѣс, нев, лѣз, зэр, са—признаки этой рѣки и значатъ: коровья, стрѣла, синяя, дождевая, черная, какъ сажа), падо въѣми способами изучать, въ особенности зырянамъ.

Составитель русско-зырянскаго словаря, собиратель зырянскихъ сказокъ А. А. Цемберъ.

М. А. Засодимскій.

(Матеріалы для біографіи писателя П. В. Засодимскаго. *)

Дѣдъ писателя Павла Владиміровича Засодимскаго—Михаилъ Андреевичъ Засодимскій—родился въ 1747 году и происходилъ изъ церковно-служительскихъ дѣтей. Онъ окончилъ Вологодскую семинарію и затѣмъ былъ въ этой же семинаріи учителемъ философіи и богословія и одновременно обучалъ руссійскому, латинскому, нѣмецкому, французскому, греческому и еврейскому языкамъ и ариѳметикѣ. Въ 1782 году М. А. поступилъ секретаремъ въ Вологодскій губернскій магистратъ и принималъ участіе въ составленіи „историческаго, географическаго и топографическаго Вологодской губерніи описанія“. Въ 1797 г. онъ перешелъ секретаремъ въ архангельскую удѣльную экспедицію, но, очевидно, вслѣдствіе треній по службѣ, въ 1800 году онъ былъ уволенъ со службы безъ награжденія слѣдующимъ чиномъ. Черезъ два года, въ 1802 году, М. А. поступилъ столоначальникомъ въ Вологодскую Казенную Палату**), но и здѣсь онъ чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ.

*) Считаю своимъ приятнымъ долгомъ поблагодарить директора Вологодской Императора Александра I гимназіи П. Ф. Маркова, любезно разрѣшившаго мнѣ воспользоваться богатымъ архивомъ гимназіи.

**) *Примѣчаніе.* Копія съ послужнаго списка о коллежскомъ секретарѣ Засодимскомъ. Чинъ, имя, фамилія и должность имѣ отравляемая и сколько отъ роду лѣтъ: Вологодской Казенной Палаты столоначальникъ коллежскій секретарь Михайло Андреевъ сынъ Засодимскій, 57 лѣтъ. Изъ какого званія происходитъ. Изъ церковно-служительскихъ дѣтей. Сколько имѣетъ во владѣніи мужеска пола душъ людей и крестьянъ, въ которыхъ уѣздахъ и какихъ именно селеній: Не имѣетъ. Когда въ службу вступилъ и во оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ; также не было ли какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній и не былъ ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награждаемъ и въ какое время: До вступленія въ статеку службу находился въ Вологодской семинаріи учителемъ философіи и богословія, гдѣ обучалъ руссійскому, латинскому, нѣмецкому, французскому, греческому и еврейскому языкамъ, и ариѳметикѣ, за что награжденъ чиномъ коллежскаго архиваріуса—779 г. мая 5. Опредѣленъ въ бывшій Вологодской губернской магистратъ секретаремъ—782 г. марта 19, а при томъ былъ при сочиненіи историческаго, географическаго и топографическаго Вологодской губерніи описанія и въ народномъ училищѣ учителемъ и инспекторомъ. Провинціалнымъ секретаремъ—783 г. авг. 19. Губернскимъ секретаремъ—786 г. февр. 13. Коллежскимъ секретаремъ—792 г. дек. 31. По уничтоженіи онаго въ архангельскую удѣльную экспедицію секретаремъ—797 г. въ октябрѣ. Въ сію палату столоначальникомъ—1802, апр. 23. Въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ или нѣтъ, и когда именно: Не бывалъ. Не былъ ли въ штрафѣхъ и подъ судомъ, и если же былъ, то за что и чѣмъ дѣло кончено: Не бывалъ. Къ продолженію статекой службы способенъ и къ повышенію чина достоинъ или нѣтъ и зачѣмъ: Достойнъ. Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина или безъ онаго и когда: Архангельской удѣльной экспедиціи изъ секретарей уволенъ 1800 года марта 26 дня безъ награжденія чина. Женатъ ли,

Въ это время (1802 г.) у него родился сынъ Владиміръ. Михайль Андреевичъ продолжалъ свои хлопоты о переводѣ на другое мѣсто, но пока что безрезультатно.

* Первое десятилѣтіе XIX столѣтія дало Вологодской губерніи рядъ новооткрытыхъ уѣздныхъ училищъ; школы были открыты въ Тотъмѣ, Великомъ-Устюгѣ, Яренскѣ. Въ 1804 году было открыто уѣздное училище и въ самой Вологдѣ гдѣ до этого была только гимназія и семинарія. И вотъ М. А. рѣшилъ поступить смотрителемъ въ Вологодское уѣздное училище. Онъ подалъ прошеніе тогдашнему директору народныхъ училищъ (и, одновременно, директору гимназій) Кириллу Станиславскому. Вотъ это интересное прошеніе, сохранившееся въ архивѣ гимназій:

Ваше Высокоблагородіе!
Милостивый Государь!

По Высочайшей волѣ нашего Всемилостивѣйшаго Монарха, пекущагося о просвѣщеніи народномъ, предполагается и здѣсь быть уѣздному училищу, въ коемъ по штату назначено быть смотрителю. А какъ съ начала 35-лѣтняго моего отечеству служенія не малое время полагалъ я труда въ ученomъ сословіи; то и нынѣ желаю по старинной склонности моей продолжать служеніе мое при училищѣ смотрителемъ.—Извѣстно же мнѣ, что сей губерніи народныхъ училищъ опредѣлены вы директоромъ и вамъ поручено избраніе людей для наполненія въ оныхъ назначенныхъ мѣсть; то и прошу васъ, Милостивый Государь, во оное смотрительское званіе меня принять и для того о увольненіи меня отъ нынѣшней должности, куда слѣдуетъ, сообщить, а о утвержденіи въ томъ званіи, кому надлежитъ, представить.

Вашего Высокоблагородія
Милостиваго Государя
Покорнѣйшій слуга

Вологодской Казенной Палаты Столоначальникъ
Коллежскій секретарь

Михайла Засодимскій.

Юня 4 числа
1804 года.

Началась обычная канцелярская переписка. Наконецъ, М. А. Засодимскій былъ утвержденъ въ должности смотрителя уѣзднаго училища и вотъ какъ рапортуетъ затѣмъ по начальству директоръ народныхъ училищъ:

Его Превосходительству Господину тайному совѣтнику сенатору, товарищу министра народнаго просвѣщенія, Московскаго учебнаго округа попечителю и кавалеру Михаилу Никитичу Муравьеву

Вологодской губернской гимназійи директора Коллежскаго
совѣтника Кириллы Станиславскаго
Рапортъ.

Во исполненіе учиненнаго мнѣ училищнымъ комитетомъ сего года іюля 29 дня предписанія о введеніи утвержденного онымъ комитетомъ

имѣть ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ и гдѣ они находятся: Женатъ коллежскаго секретаря на дочери Елизаветѣ Андреевнѣ; имѣть сына Владиміра 2-хъ лѣтъ, который находится при немъ.

(На подлинномъ подписано такъ): Вице-губернаторъ Андрей Тернеръ.

Съ подлиннымъ свѣрять директоръ училищъ Кириллъ Станиславскій.
Секретарь Анфимъ Вахрушевъ.

Петръ . . . . .

съ одобренія общаго собранія г.г. профессоровъ представленнаго мною коллежскаго секретаря Засодимскаго въ должность смотрителя Вологодскаго уѣзднаго училища подлежащимъ порядкомъ чему имѣю Вашему Превосходительству донести, что по присылкѣ означеннаго Засодимскаго здѣшнимъ гражданскимъ губернаторомъ сего октября 13 дня въ должность по приведеніи къ присягѣ ввелъ; сверхъ того поручилъ ему въ гимназіи надъ классами должность инспектора, о чемъ отъ меня и училищному комитету донесено.

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государа

Покорнѣйшій слуга

Кирилль Станиславскій.

№ (неразборчивъ)

Октября—дня

1804 года.

Изъ этого рапорта видно, что М. А. одновременно съ должностью смотрителя уѣзднаго училища сталъ исполнять обязанности инспектора гимназіи, тѣмъ болѣе, что училище помѣщалось въ нижнемъ этажѣ, а гимназія—во второмъ этажѣ одного и того же зданія, въ которомъ гимназія помѣщается и нынѣ. Въ этихъ обоихъ должностяхъ состоялъ М. А. до самой смерти. Умеръ онъ 74 лѣтъ, 23 августа 1821 года.

Вотъ донесеніе директора народныхъ училищъ училищному комитету о смерти М. А. Засодимскаго:

М. Д. Д.

» Н. П.

Д. Н. П.

Училищному Комитету Императорскаго Московскаго университета.

Отъ исправляющаго должность Вологодскихъ училищъ директора въ Вологдѣ 5 сентября 1821 г. № 327. О скончавшемся смотрителѣ Засодимскомъ.

Штатный смотритель здѣшняго Вологодскаго уѣзднаго училища надворный совѣтникъ Михайло Андреевичъ Засодимскій прошедшаго августа 23 числа по немало временной болѣзни волею Божіею скончался; о чемъ оному комитету симъ почтительнѣйше и доношу.

Въ архивѣ Вологодской гимназіи „дѣло Михайлы Засодимскаго“ включаетъ 24 листа.

В. А. Соловьевъ.

Замѣтка о задачахъ любителя-минералога на Сѣверѣ.

Проживая уже нѣсколько лѣтъ на нашемъ Сѣверѣ, я имѣлъ возможность убѣдиться въ разнообразіи его минеральныхъ богатствъ, не говорю—обиліи, т. к. это можетъ выяснитъ только будущее.

Тѣ небольшія коллекціи минераловъ, которыя хранятся въ Архангельскомъ городскомъ музеѣ, являются лишь слабымъ отблескомъ дѣйствительности, а еще вѣрнѣе, что онѣ, какъ случайно и безпорядочно *) попавшія въ музей, совершенно не даютъ цѣльнаго впечатлѣнія и ни

*) Въ разное время, отъ разныхъ лицъ и изъ разныхъ мѣстностей.

въ коемъ случаѣ не могутъ ясно охарактеризовать минеральный обликъ хотя бы одного уголка нашего обширнаго, мало еще извѣданнаго въ этомъ отношеніи Сѣвера. Правда, Ухта, Новая Земля, Шпицбергенъ, а отчасти и Мурманъ обратили на себя взоры промышленниковъ, но все это тамъ, гдѣ-то слишкомъ далеко, чтобы вызвать живой интересъ въ центрахъ нашего Сѣвера.

А, вѣдь, въ мѣстахъ, гдѣ горная промышленность болѣе развита, люди, не щадя силъ и даже жизни, стремятся къ добычѣ полезныхъ ископаемыхъ, и въ этомъ—глубокой смыслъ: чудные, идеальные по формѣ кристаллы минераловъ, драгоценныя самородныя металлы, богатые руды, пока находятся въ земной корѣ, неизбежно и постепенно терпятъ превращенія, участвуя въ общемъ круговоротѣ природы, и поэтому существованіе ихъ тамъ подвержено массѣ случайностей, зависящихъ отъ геологическихъ, физическихъ и химическихъ процессовъ: не разъ приходится видѣть исковерканный боковымъ давленіемъ и сросшійся уже калѣвкой кристаллъ, а сколько ихъ растворяютъ подземныя воды, унося въ недостижимыя нѣдра, и только нѣкоторый, сравнительно малый, процентъ попадаетъ въ руки людей, чтобы затѣмъ многіе и многіе годы прельщать своей вѣчно свѣжей, неувидаемой красотой. Тѣмъ камни и хороши, что они не старятся: вѣка проходятъ мимо, а они блестятъ и сияютъ точно сейчасъ только созданные изъ свѣта и радуги.

Какъ послѣ этого любитель не цѣнить возможности залучить въ свое хранилище—коллекцію рѣдкій по красотѣ и формѣ минералъ, вѣдь это не фабрикатъ, который выпускаютъ сотнями, а, быть можетъ, единственный въ своемъ родѣ экземпляръ, какого ни раньше, ни позже не встрѣтить. Относясь такъ къ окружающему минеральному царству, любитель самъ не замѣтитъ, какъ его коллекція, постепенно пополниаясь, со временемъ разрастется въ большую, заключающую въ себѣ представителей чуть-ли не всѣхъ классовъ и группъ минераловъ.

А какая роскошь, какое наслажденіе имѣть подъ руками богатую, систематизированную коллекцію минераловъ: вглядываясь въ нихъ часто, подмѣчая характерныя ихъ черты, любитель невольно начинаетъ проникать въ тайны ихъ сущности и жизни, а любой петрографическій очеркъ поднимаетъ передъ нимъ и завѣсу возможнаго ихъ генезиса.

Изучая минералы какой-либо мѣстности, отыскивая причину зависимости ихъ совмѣстнаго нахождения, любитель невольно постигаетъ многое, что не сразу бросается въ глаза,—именно, геологическій и петрографическій характеръ этой мѣстности; а такое изученіе даетъ не только глубокое внутреннее удовлетвореніе, но приносить и несомнѣнную пользу въ смыслѣ общаго изученія богатствъ страны.

Нашъ Сѣверъ при его протяженіи на миліоны квадратныхъ верстъ всегда нуждался, нуждается и долго еще будетъ нуждаться въ подобномъ вниманіи любителей природы: постановка правильныхъ поисковъ и развѣдокъ дорого стоитъ, но работа любителя, который въ своемъ родномъ уголкѣ посвятитъ свободныя минуты изученію окружающаго его минеральнаго царства, не требуетъ никакихъ затратъ, а пользу можетъ принести большую, т. к. въ случаѣ цѣнныхъ находокъ, несомнѣнно, привлечетъ на себя вниманіе специалистовъ, которые сумѣютъ вызвать къ жизни мертвыя пока богатства; вѣдь ухтинская нефть, уголь Шпицбергена, мѣдныя руды Новой Зе-

мли, свинцово-серебряныя и цинковыя руды Мурмана, старыя кемскія разработки вмѣстѣ съ красотой нашихъ гранатовъ, аметистовъ и разнообразіемъ осадочныхъ породъ и гранитовъ сами за себя говорятъ и бросаютъ вызовъ любителю; мало-ли таинственнаго хранить еще въ своихъ нѣдрахъ далекіе Уралъ и Тимань, а размывы нашихъ могучихъ рѣкъ: Двины, Печоры, Мезени и Онеги развѣ не указываютъ намъ естественныя пути къ этимъ богатствамъ?

Стоитъ только вдуматься во все это, какъ невольно въ душѣ зарождается вѣра въ свѣтлое будущее горнаго дѣла на Сѣверѣ и желаніе потрудиться для него.

Ө. Я.

Критика и библиографія.

I.

Вологда въ ея старинѣ. Книга Г. К. Лукомскаго.

„Сѣвернымъ Кружкомъ Любителей Изящныхъ Искусствъ“ недавно издана книга Г. К. Лукомскаго, содержащая въ себѣ описаніе памятниковъ художественной и архитектурной старинѣ въ Вологдѣ. Задача автора и издателей книги состояла въ томъ, чтобы „напомнить о необходимости любви къ родной старинѣ не только „русскаго стиля“, но и позднѣйшихъ эпохъ“. Еще за годъ до изданія этой книги названный кружокъ организовалъ въ г. Вологдѣ чтеніе лекцій по исторіи архитектуры въ Россіи въ связи съ описаніемъ современнаго состоянія древней архитектуры. Эти лекціи, читанныя Г. К. Лукомскимъ, и послужили основаніемъ для настоящаго изданія. Но роль кружка не ограничилась только организацией чтеній и изданіемъ книги о Вологодской старинѣ, ему принадлежитъ и значительная доля авторскаго труда, такъ какъ въ „теченіе лѣта 1913 года его членами было сдѣлано нѣсколько сотъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ мѣстной и окрестной старинѣ, собраны были историческія и библиографическія свѣдѣнія и съ особой тщательностью просмотрѣны за много лѣтъ Губернскія, Епархіальныя и Кліровыя Вѣдомости“ Изъ этого обширнаго матеріала въ обработкѣ г. Лукомскаго въ связи съ его лекціями создавалась прекрасная книга о вологодской старинѣ, богатая по содержанию и изящная по внѣшнему виду. Но, выполняя свою задачу, Вологодскій кружокъ тѣмъ самымъ содѣйствовалъ осуществленію основной мысли близкаго ему по идеѣ Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ Искусства и Старинѣ, отдѣленіемъ котораго онъ состоитъ. Такимъ образомъ, разсматриваемая книга получаетъ еще болѣе широкое значеніе, какъ идущая навстрѣчу народившемуся недавно интересу къ русской старинѣ, и свидѣтельствуетъ о просвѣтительной работѣ „Сѣвернаго Кружка“.

Книга г. Лукомскаго заключаетъ въ себѣ на 363 страницахъ научный текстъ съ иллюстраціями и подраздѣляется на слѣдующія статьи или главы: историческій очеркъ Вологды, художественный ея обликъ, обзоръ соборовъ и церквей, памятники гражданской архитектуры, строительство окрестностей Вологды, послѣ чего слѣдуютъ: Къ матеріаламъ

по исторіи Вологды“ и въ концѣ книги на шести страницахъ перечень журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій о Вологдѣ.

Мы выписали наименованія статей, входящихъ въ книгу г. Лукомскаго, съ цѣлью показать наличность ея содержанія и тотъ охватъ мысли, которымъ характеризуется это художественно-научное сочиненіе. Но авторъ считаетъ свою книгу только „общимъ очеркомъ“ Вологды и готовъ признать свою цѣль достигнутой, „если чтеніе этой книги сможетъ вызвать желаніе болѣе подробнаго изученія Вологодской старины“. Подробность изученія чего-либо не есть ничто, точно измеримое, и мы полагаемъ, что трудъ г. Лукомскаго во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ общій очеркъ.

Обзоръ историческихъ событій, относящихся къ Вологдѣ, авторъ начинаетъ съ XI столѣтія, т. е. со времени предполагаемаго основанія ея новгородцами, причемъ приводитъ существующія толкованія ея названія. Но съ наибольшою подробностью онъ останавливается на московскомъ періодѣ нашей исторіи и особенно на эпохѣ Іоанна Грознаго, отмѣчая частые пріѣзды этого Государя въ Вологду и мысль его сдѣлать ее стольнымъ городомъ. Въ историческое повѣствованіе съ лѣтописными выдержками авторъ, для оживленія разсказа, весьма кетати вноситъ народныя легенды и преданія, характерныя для личности Грознаго. Сюда же онъ внесъ цѣликомъ народную пѣсню, созданную на сказаніи о томъ, какъ разгнѣванный государь „повелѣ раззорити“ только что остроенную имъ церковь за то, что въ ней „ничто, отторгнувшись отъ своду и падь, государю повреди голову“. Такъ обратилась на разрушеніе церковь, которую царь хотѣлъ поставить во главѣ городскихъ храмовъ. Только „черезъ нѣкоторое прошеніе“, замѣчаетъ лѣтописецъ, Грозный склонился на милость и отмѣнилъ свое приказаніе. Этотъ эпизодъ особенно умѣстенъ въ книгѣ г. Лукомскаго, такъ какъ упомянутому храму, нынѣ кафедральному собору, придается чрезвычайное архитектурное значеніе. Со смертью Іоанна Грознаго Вологда уже не привлекала къ себѣ прежняго вниманія русскаго общества и быстро клонилась на упадку. Такъ шла исторія ея до первой четверти XIX вѣка, когда въ тяжелую годину Отечественннй войны она стала хранилищемъ многихъ привезенныхъ въ нее московскихъ сокровищъ. Въ дальнѣйшіе годы девятнадцатаго вѣка Вологда, хотя медленно, прогрессируетъ: въ ней съ увеличеніемъ населенія начинается старательная застройка, которая ведется по опредѣленному плану, а въ жизнь ея вносятся культурныя начала.

Обращаясь къ Вологодской старинѣ въ ея архитектурныхъ памятникахъ, г. Лукомскій преимущественно и болѣе подробно разсматриваетъ сооруженія церковныя, которыя считаетъ самыми лучшими историческими портретами, какъ выраженіе типичной красоты, въ которой вылилось и религіозное и эстетическое чувство. Цѣнность этихъ старинныхъ сооруженій особенно высока въ настоящее время, когда мы, „забывая старину, воздвигаемъ полныя кошмарнаго безвкусія новыя зданія“, что замѣчается столь же въ церковномъ, сколько и въ гражданскомъ строительствѣ. При разсмотрѣннй вологодскихъ церквей авторъ не придерживается хронологической послѣдовательности и ведетъ свое изложеніе въ порядкѣ формъ стилей, сначала русскаго, потомъ барокко и, наконецъ, ампира. Лучшимъ примѣромъ расцвѣта московскаго зодчества онъ признаетъ церковь свв. равноапостольныхъ царей Константина и Елены, а типичныя фрески ярославскаго письма отмѣчаетъ,

въ согласіи съ мнѣніемъ Игоря Грабаря, въ церкви Іоанна Предтечи, что въ Роценьѣ. Но всего больше онъ обращаетъ вниманіе на Софійскій и Воскресенскій соборы. О стилѣ барокко Г. К. Лукомскій замѣчаетъ такъ: „собственно памятниковъ эпохи расцвѣта этого стиля (эпоха гр. В. В. Растрелли) въ Вологдѣ нѣтъ; барокко рѣшительно былъ вытѣсненъ новыми классическими формами, сразу понравившимися вологжанамъ“, а какъ на типичный видъ поздняго барокко, авторъ указываетъ на церковь Воскресенія Христова, что на Лѣвнвомъ торгу. Формы же поздне-ампирнаго характера находятъ въ колокольняхъ Иоанно-Богословской, Срѣтенской и др. церквей.

Страницы отъ 259 до 302 заняты обзоромъ памятниковъ гражданской архитектуры. Въ Вологдѣ ихъ немного; между ними первое мѣсто отведено почлежному дому, въ который обращено прежде частное жилище, можетъ быть, полуторавѣковой древности. Авторъ глубоко сожалѣетъ объ участи этого памятника древняго строительства. „Вотъ какъ-ва, замѣчаетъ онъ, судьба этого имѣющаго видъ маленькаго дворца сооруженія! Хотѣлось бы видѣть въ стѣнахъ его музей, бібліотеку, а не почлежный домъ и столовую, учрежденіе, такъ легко вызывающее возможность пожара, а слѣдовательно и порчи этого художественнаго образца гражданской архитектуры 1777 года“. Утратили свои характерныя черты древности и тотъ домикъ, который служилъ мѣстомъ остановокъ Петра Великаго во время его пріѣздовъ въ Вологду, и зданіе мужской гимназіи, сооруженное во второй половинѣ XVIII вѣка, и домъ, гдѣ нынѣ помѣщаются городскія учрежденія. Но наряду съ этимъ въ книгѣ г. Лукомскаго отмѣчены и такіе дома, въ которыхъ можно видѣть старину во всей ея полнотѣ, таковы: Домъ Вологодскаго Дворянства съ прекрасно нарисованными пилястрами на угловомъ закругленіи, Скублинскій Домъ призрѣнія бѣдныхъ гражданъ, въ которомъ „обработка фасада представляетъ собою совершенно выдающийся образецъ богатства композиціи и пѣжности выполненія“, домъ бывш. Левашова и др.

Въ концѣ обзора общественныхъ зданій авторъ отвелъ нѣсколько строкъ вологодскому городскому театру. Но почему этому зданію, построенному въ 1873—1875 годахъ, дано мѣсто въ Вологодской старинѣ и чѣмъ оно, съ курьезнымъ пониманіемъ красоты его строителемъ, заслужило вниманіе художника? О немъ г. Лукомскій отзывается такъ: „въ общемъ своемъ обликѣ это деревянное зданіе съ наружными лѣстницами, со странною рѣзбой въ тимпанѣ фронтона напоминаетъ сѣверныя избы и лѣтъ черезъ 50, если оно уцѣлѣетъ, не будетъ ли оно правиться такъ, какъ теперь все правится, что возведено въ эпоху до-Николаевскую?“. Можетъ быть; но теперешній вологодскій театръ во всякомъ случаѣ не то, что соединяется съ представленіемъ о зданіи для театра.

Послѣднюю главу книги г. Лукомскаго составляетъ „Строительство окрестностей Вологды“. Сюда отнесены строенія въ помѣщичьихъ усадьбахъ, деревенскія избы съ ихъ богато украшенными рѣзбой и росписью, балкончиками и ставнями и, наконецъ, вѣтряныя мельницы, въ которыхъ есть своя архитектурная прелесть.

Изъ приведенной краткой передачи содержанія большой книги Г. К. Лукомскаго читатель можетъ замѣтить, насколько интересно новое сочиненіе о Вологодской старинѣ. Старая Вологда ожива въ словахъ любовно отнесшагося къ ней художника, полузабытая она встала передъ читателемъ въ своей древней, но еще не ветхой одеждѣ. Г. К. Лу-

комскій говорить о Вологдѣ, какъ вдохновенный поэтъ; онъ любитъ ея „очаровательными своею живописностью уголками“, его захватываетъ видъ, который открывается съ высоты соборной колокольни, когда въ ясный день серебрится на солнцѣ огромная глава историческаго храма; онъ видитъ отсюда огибающую сады лиловую ленту рѣчки и далеко за городской чертой зеленые луга. Настроеніе автора передается читателю, который понимаетъ, что художественный обликъ Вологды создали прежде всего ея древности. Книга проникнута личнымъ, пережитымъ чувствомъ автора, и въ этомъ ея высокое достоинство.

„Сѣверный Кружокъ Любителей Изящныхъ Искусствъ“ своимъ изданіемъ добавилъ къ длинному перечню книгъ о Вологодской старинѣ новую прекрасную книгу, которая восполняетъ собою существовавшій пробѣлъ въ общемъ изложеніи истории русской старины въ то время, когда уже обследованы такіе города, какъ Ростовъ, Кострома, Нижній-Новгородъ, не говоря о Киевѣ, Москвѣ и другихъ великихъ древнихъ городахъ. Это выступленіе названнаго Кружка еще разъ громко свидѣтельствуешь о его просвѣтительной дѣятельности и энергичной работѣ его членовъ, которая, между прочимъ, сказала въ неоднократно устроеннѣ въ Вологдѣ художественныхъ выставокъ и въ засѣданіяхъ, посвящаемыхъ научно-художественнымъ вопросамъ.

Н. Марковъ.

II.

Маслодѣльные артели въ Вологодской губерніи.

Большой вкладъ въ литературу по изслѣдованію народно-хозяйственной жизни, въ частности въ нашу бѣдную самостоятельными изслѣдованіями кооперативную литературу, сдѣлало Вологодское об-во сел. хоз., выпустивъ книгу „Маслодѣльные артели въ Вологодской губ.“ Ростъ артельного маслодѣлія на сѣверѣ, какъ одно изъ крупнѣйшихъ явленій кооперативной жизни Европейской Россіи, и полное отсутствіе матеріаловъ по изученію маслодѣльной коопераціи ставили въ тупикъ кооператора и лицъ вообще интересующихся. Эта книга для насъ еще тѣмъ дороже, что явилась какъ результатъ обследованія особой экспедиціей по изученію маслодѣльныхъ артелей. Широкая программа обследованія дала возможность сдѣлать вполне опредѣленные заключенія о вліяніи артелей на измѣненіе хозяйствъ быта и экономическаго благосостоянія вологодскаго крестьянства, изучить организацію и управленіе артелей, бюджеты, обороты молочнаго производства и т. д. Изъ 13 главъ книги десять посвящены собственно анализу артельного хозяйства, двѣ—выясненію естественно-историческихъ условій развитія артелей маслод. Вологодской губ., одна—характеристика В. О. С. Х. и Ком. отд. при немъ, играющихъ огромную роль въ развитіи крестьян. маслодѣлія Вологодской губ.

Цѣна книги 2 р. 50 к. при выписываніи непосредственно со склада В. О. С. Х. скидка въ 10%. Въ 331 стр. текста, и 105 стр. приложений (19) съ крайне цѣннымъ цифровымъ матеріаломъ, текстомъ уставовъ, обязательныхъ постановленій.

Остается пожелать самаго широкаго распространенія этой книги среди кооператоровъ и особенно практиковъ артельного маслодѣлія, для которыхъ она можетъ быть единственной по вопросамъ внутренняго строенія и организаціи артелей.

А. Витюговъ.

III.

*Судовые двигатели внутренняго сгорания. Инж.-Мех. флота Мачарукъ.
Изд. Рижскъ 1913 г. ч. 2 р. 50 к. СПб.*

Книга, раздѣленная на шесть частей, въ пяти содержитъ описанія четырехъ и двухтактныхъ двигателей, работающих на разныхъ сортахъ горючаго и разными способами воспламененія электрическимъ или шаромъ, раскаленнымъ лампой. Часть V заключается исключительно въ описаніяхъ и разборѣ двигателей Дизеля разныхъ типовъ.

Способъ изложенія и область, затронутая авторомъ, опредѣляютъ назначеніе книги въ качествѣ учебника для самостоятельныхъ машинистовъ флота и низшихъ техниковъ, чему способствуетъ и заключительная глава съ вопросами для повторенія курса. Изложеніе очень популярно и достаточно ясно, но мѣстами излишне растянуто и раскидано въ ущербъ ясности. Этими качествами особенно отличается IV часть—практическія указанія объ уходѣ за двигателями, управленіи ими, содержаніи въ исправности и регулировки. Последнему очень наглядно служатъ схемы. Нѣсколько высокая цѣна для недостаточнаго читателя, многіе нечеткіе, мелкіе и небрежно исполненные чертежи и снимки преискурантнаго типа палицо въ данномъ случаѣ. Въ текстѣ замѣчены досадныя недоговоренности и неясности, такъ на стр. 149, говоря объ опаздываніи открытія клапана для впуска горючаго, указывается на попаданіе пламени въ карбураторъ и нѣтъ о преждевременной вспышкѣ и обратномъ толчкѣ, особенно въ двигателяхъ съ небольшимъ числомъ оборотовъ. Стр. 73. При работѣ бензиноваго двигателя на керосинѣ мощность уменьшается, но не указаны главные причины, какъ: разница давленій и осажденій паровъ керосина на стѣнкахъ.

Противорѣчія въ т. V и VII—въ V говорится, что двигатели съ регулированіемъ количества смѣси горючей расходуютъ болѣе топлива, чѣмъ съ регулированіемъ пропусками и даются цифры. Въ гл. VII указывается обратное, это же въ § 25 упоминается, какъ желательное. Нѣтъ указаній на температуру выходящей охлаждающей воды, необходимую и достаточную для экономичной работы двигателей (не Дизеля).

При расчетѣ индик. работы не показано различія формулъ для двухъ и четырехъ тактныхъ двигателей.

Главное отличіе Дизеля отъ другихъ двигателей не точно и туманно; эти отличія указаны лишь на стр. 219, хотя имъ необходимо первое мѣсто съ добавленіемъ о совершенствѣ продувки цил. Дизеля, чѣмъ особенно страдаютъ другіе описанные двигатели. Удѣливъ столько мѣста Дизелю, было бы своевременно дать понятіе о сильномъ конкурентѣ Дизеля двигателѣ „Сабатэ“.

Наглядны таблицы сравненія преимуществъ и недостатковъ двигателей тепловыхъ съ паровыми машинами и между собой и схемы регулированія двигателей.

Вслѣдствіе все болѣе расширяющейся потребности въ техникахъ, знакомыхъ съ устройствомъ двигателей и уходомъ за ними, а также недостаточнаго для нашего края числа лицъ этой отрасли,—появленіе разбираемаго руководства можно только привѣтствовать съ увѣренностью, что знакомство съ книгой принесетъ несомнѣнную пользу заинтересованному только съ практической стороны даннымъ вопросомъ.

Изъ торгово-промышленной жизни.

Къ развитію эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ. Лѣсное вѣдомство въ будущемъ году проектируетъ дальнѣйшее развитіе операцій по веденію хозяйственныхъ заготовокъ лѣса. Предполагается заготовить лѣсныхъ матеріаловъ строевого и подѣлочнаго лѣса 121.262 куб. саж., дровь—114.744 куб. саж. и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ 16.856 куб. саж.; въ 1914 г. назначено было къ заготовкѣ строевого и подѣлочнаго лѣса 116.319 куб. саж., дровь—89.497 куб. саж. и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ—15.162 куб. саж. Независимо отъ указанныхъ заготовокъ, въ связи съ обстоятельствами военного времени, оказалось возможнымъ организовать новыя хозяйственныя операціи по заготовкѣ дровъ въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой и Петроградской для гор. Петрограда, въ видахъ обезпеченія его топливомъ въ текущую зиму, въ размѣрѣ до 200.000 погонныхъ сажень, сверхъ обычно поставляемыхъ лѣснымъ вѣдомствомъ для столичныхъ учреждений 125 тыс. саж. Кроме того, какъ уже сообщалось, нынѣ приступлено къ организаціи въ теченіе предстоящаго пятилѣтія съ 1915 года хозяйственныхъ заготовокъ въ цѣляхъ удовлетворенія нуждъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ потребныхъ имъ лѣсныхъ матеріалахъ.

Увеличеніе въ будущемъ году обычныхъ заготовокъ противъ текущаго года намѣчается въ слѣдующихъ размѣрахъ. Предполагается въ губерніяхъ Европейской Россіи заготовить болѣе строевого и подѣлочнаго лѣса на 13.354 куб. саж., дровь—на 20.117 куб. саж. и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ на 1.694 куб. саж. Главное увеличеніе заготовокъ какъ по количеству, такъ и по суммѣ расходовъ относится на Пермскую губернію; пѣкоторое увеличеніе заготовокъ падаетъ также на губерніи Новгородскую, Олонецкую и Казанскую. Измѣненіе положенія заготовокъ въ Азіатской Россіи состоитъ въ томъ, что количество лѣсныхъ матеріаловъ, подлежащихъ въ заготовкѣ въ будущемъ году, увеличивается для строевого и подѣлочнаго лѣса на 1.200 куб. саж. и для дровъ—на 7.880 куб. саж. Хозяйственныя операціи въ Азіатской Россіи предполагаются въ будущемъ году вести въ тѣхъ же губерніяхъ и областяхъ, что и въ настоящемъ году, за исключеніемъ Енисейской и Иркутской губерній, въ которыхъ организація заготовокъ находится въ связи съ осуществленіемъ вообще поставокъ лѣсныхъ матеріаловъ для нуждъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Томской губ., съ развитіемъ поставокъ на Кулундинскую, Омскую и Сибирскую желѣзныя дороги, является необходимость въ увеличеніи расходовъ и на попутную заготовку строевыхъ матеріаловъ и дровъ отъ желѣзнодорожной заготовки, такъ какъ эти матеріалы находятъ весьма хорошій сбытъ на казенныхъ же складахъ въ Томскѣ, Новониколаевскѣ и другихъ при станціонныхъ мѣстностяхъ въ степной части губерніи.

Нужды лѣсопромышленниковъ и война. Въ Петроградѣ подъ предсѣдательствомъ тов. мин. земледѣлія и землеустройства, А. Риттгаха, состоялось между вѣдомственнымъ совѣщаніе, на которомъ разсматривались ходатайства лѣсопромышленниковъ объ оказаніи имъ помощи, такъ какъ вслѣдствіе прекращенія экспорта, они оказались въ весьма тяжеломъ положеніи. Совѣщаніе постановило сѣвернымъ лѣсопромышленникамъ отсрочить платежи: $\frac{1}{3}$ часть до конца текущаго, а остальныя $\frac{2}{3}$ до августа 1915 г., лѣсопромышленникамъ прибалтійскихъ и за-

надняхъ районовъ рѣшено отсрочить до конца года только половину платежей, а остальная половина отсрочена также до августа 1915 г.

Представители промышленниковъ возбудили ходатайство о выдачѣ имъ ссуды подъ лѣсные товары. Представитель государственнаго банка сообщить, что банкомъ сдѣлано уже распоряженіе провинціальнымъ отдѣленіямъ о расширеніи кредита подъ лѣсные материалы.

Кооперация и война. При московскомъ комитетѣ о сельскихъ кооперативахъ состоялось на-дняхъ совѣщаніе представителей крупнѣйшихъ кооперативовъ Европейской Россіи. На это совѣщаніе отъ Петроградскаго комитета былъ делегатомъ Н. В. Чайковскій, который въ общемъ собраніи 5-го сентября и сообщилъ о результатахъ совѣщанія.

Совѣщаніе продолжалось два дня. На немъ присутствовало болѣе 40 представителей.

Всѣ доклады сосредоточивались на двухъ вопросахъ: какъ отразилась война на кооперации и что предприняла кооперация въ это исключительное время.

Какъ и слѣдовало ожидать, во всѣхъ кооперативахъ произошла заминка въ дѣлахъ, которая для многихъ изъ нихъ благополучно разрѣшится развѣ только съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Теперь же, въ цѣляхъ поддержанія своего существованія, кооперативами настойчиво проводятся мѣры къ объединенію. Изъ Москвы командирована была въ Петроградъ особая депутація, которая нашла сочувственный пріемъ въ главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія. Предполагавшійся къ исключенію кредитъ въ 135 милл. руб. для кредитныхъ кооперативовъ сохранилъ Московскій народный банкъ, дѣятельность котораго совсѣмъ было замерла съ объявленіемъ войны; банкъ получилъ ссуду въ 500 тыс. р. и теперь производить свои операціи, какъ и при нормальныхъ условіяхъ. Московскій союзъ успѣшно ведетъ поставки на армію разныхъ предметовъ. Наибольшаго успѣха въ поставкахъ на армію достигла кievская организація.

Чрезвычайно важно отмѣтить эффектъ, произведенный выступленіемъ кievской объединенной кооперации. Частные торговцы пожелали сорвать съ казны высокія цѣны на хлѣба, но кооперативы назначили меньшія цѣны, и расчеты торговцевъ не оправдались.

Вологодскій союзъ добился пониженія желѣзнодорожныхъ тарифныхъ ставокъ на грубые корма на 15—20 проц., на дорогіе—30—40 проц., что для края, гдѣ не родилось травъ, имѣетъ большое значеніе. Въ Сибири уже закуплено сѣно по 35—40 к. за пудъ.

Съ поставкой мяса вышло недоразумѣніе. Вологодскій союзъ предложилъ до 130,000 головъ. Главное управленіе объявило, что 10 проц. этого количества должно быть убито на мѣстѣ, остальное доставлено живьемъ. Подходящъ былъ и вѣсъ туши въ 4¹/₂—5 п. Уполномоченный главнаго управленія г. Лининъ прибылъ на мѣсто только 24-го августа и объявлялъ совершенно новыя условія: скотъ долженъ быть убитъ на мѣстѣ, не менѣе 200 гол. въ день; вѣсъ туши не менѣе 7 п. Произвести такую операцію на мѣстѣ невозможно и грозитъ она потерей кожи, роговъ, копытъ, не имѣющихъ теперь сбыта, а главное—крупнаго скота, составляющаго для маслодѣловъ единственный источникъ существованія ихъ промысла. Союзъ вынужденъ былъ отказаться отъ сдѣлки, въ которую вступили лишь отдѣльныя артели, боясь гибели скота отъ безкормицы.

На засѣданіи московскаго комитета была принята слѣдующая резолюція.

„Заслушавъ сообщенія съ мѣстъ объ усиліяхъ кооперативовъ ослабить хозяйственныя затрудненія, вызванныя войной, а въ иныхъ мѣстностяхъ еще и неурожаемъ, комитетъ отмѣчаетъ, что во многихъ случаяхъ работа кооперативовъ оказалась успѣшной и плодотворной; усиліями ихъ удалось во многихъ случаяхъ успокоить населеніе, взволнованное опасеніемъ хозяйственной разрухи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось предотвратить сильное паденіе цѣнъ на продукты мѣстнаго хозяйства, въ рядѣ мѣстностей принимаются цѣлесообразныя мѣры для снабженія мѣстнаго населенія кормами при посредствѣ кооперативовъ и другія.

Такимъ образомъ, комитетъ долженъ отмѣтить, что кооперативы повысили способность населенія противостоятъ вредному вліянію хозяйственныхъ затрудненій, вызванныхъ войной и неурожаемъ, и въ трудныхъ обстоятельствахъ переживаемыхъ нашей страной, обнаружили то культурное значеніе, какое они должны и могутъ имѣть въ нашей общественной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что эта роль коопераціи встрѣчаетъ серьезныя препятствія для болѣе полного своего осуществленія въ отсутствіи необходимаго объединенія.

Сѣверный союзъ кооперативовъ. Въ цѣляхъ болѣе полного объединенія кооперативовъ области, вологодское общество сел. хозяйства нашло необходимымъ организовать самостоятельный, построенный на чисто кооперативныхъ началахъ, союзъ кооперативовъ Сѣвернаго края; по своему составу союзъ долженъ быть разнороднымъ, и его членами могутъ быть, безъ различія видовъ, родовъ и названій всѣ кооперативныя организаціи, расположенныя въ районѣ дѣятельности союза; по своимъ задачамъ, союзъ долженъ быть полнымъ, т. е. развивать какъ торговую, такъ и не торговую дѣятельность. Ближайшими цѣлями союза являются: а) снабженіе кооперативовъ предметами личнаго производствъ; б) организація сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ; в) организація общеккооперативнаго и техническаго инструктированія кооперативовъ. Райономъ дѣятельности союза должна явиться Вологодская и сосѣднія съ нею губерніи.

Вывозъ пушныхъ товаровъ. Главное управленіе земледѣлія и землеустройства предложило русско-англійской торговой палатѣ взять на себя организацію вывоза пушного товара изъ Сибири въ Англію. До сихъ поръ пушной сибирскій товаръ вывозился въ Германію и отсюда въ обработанномъ видѣ расходился по другимъ странамъ Европы. Русско-англійская торговая палата намѣрена воспользоваться предложеніемъ главнаго управленія и организовать вывозъ пушного товара въ Англію въ широкихъ размѣрахъ.

Разныя вѣсти.

Курортъ на берегу Бѣлаго моря. 9 декабря состоялось собраніе общества архангельскихъ врачей, имѣвшее цѣлью выясненіе и разработ-

ку вопроса—нельзя ли устроить въ одномъ изъ мѣстъ Бѣлаго моря курортъ, особенно въ Сюзьмѣ, Сюземской вол., Архангельскаго у. Вопросъ о подобномъ курортѣ поднимался еще въ 1856 г. докторомъ Калломѣйцевымъ. Еще въ 1910 году на одномъ изъ собраній общества архангельскихъ врачей было рѣшено обратить вниманіе распорядительнаго комитета приказа общественнаго призрѣнія устроить тамъ курортъ, но изъ этого никакихъ практическихъ жизненныхъ послѣдствій Сѣверъ не увидѣлъ.

Докторъ Романовъ на собраніи говорилъ, что мѣсто для предполагаемаго курорта еще не обследовано, что составъ воды, т. н. морское масло, не подтверждено точному анализу, а потому требованіе о-ва врачей объ устройствѣ курорта для сѣзда едва ли представляется цѣннымъ.

Но большинство говорило, что, наоборотъ, изысканія объ устройствѣ сѣвернаго курорта именно въ Сюзьмѣ имѣютъ несомнѣнную цѣнность. А потому собраніе единогласно постановило обратить вниманіе сѣзда въ Петроградѣ на устройство курорта и просить сѣзда устроить этотъ курортъ. Основаніями для просьбы являются слѣдующія данныя: 1) красота нѣкоторыхъ мѣстъ береговъ Бѣлаго моря, 2) климатическія условія, 3) удобство для устройства холодныхъ ваннъ; затѣмъ, для сообщенія съ курортомъ начальникомъ губерніи обѣщано устроить автомобильное движеніе; почтово-телеграфное вѣдомство, со своей стороны, обѣщаетъ провести къ мѣсту курорта телеграфъ и телефонъ, и наконецъ, Мурманское пароходство постановку правильныхъ рейсовъ и соотвѣтствующее начальство—углубленіе фарватера. Кромѣ всего этого, какъ на доказательство необходимости курорта, на собраніи было указано на слѣдующее обстоятельство: г. Штумбергъ устраиваетъ уже тамъ курортъ на 4 кровати. И, въ заключеніе, основной аргументъ убѣдительности просьбы общества—это нахожденіе въ составѣ воды іода и сѣры. А потому, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, собраніе единогласно постановило: обратиться къ сѣзду съ просьбой устроить лѣтній курортъ хотя съ низкой температурой ваннъ.

Собраніе это было вызвано приближеніемъ сѣзда въ Петроградѣ по улучшенію отечественныхъ лечебныхъ мѣстностей.

Промыселъ жемчуга въ Архангельскомъ уѣздѣ. Недавно въ Архангельскѣ пріѣхалъ съ партіей жемчуга, добытаго лѣтомъ текущаго года на р. Казанкѣ, близъ с. Солзы, Архангельскаго уѣзда, самоѣдь Ледковъ. Имъ привезено въ Архангельскъ около 100 жемчужинъ разныхъ размѣровъ и разной стоимости. Удачный промыселъ жемчуга въ минувшемъ году слѣдуетъ объяснить жаркимъ лѣтомъ и обмелѣніемъ небольшихъ рѣчекъ, въ которыхъ обыкновенно водятся раковины жемчуга. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что это чуть ли не первый случай, когда жемчугъ оказался добытымъ въ рѣчкахъ Архангельскаго уѣзда. Обычно жемчугъ добывался по р. Керети, Кемскаго уѣзда, и частью по р. Онегѣ.